

Призраки Сумеречного базара. Книга вторая

Автор:

[Кассандра Клэр](#)

Призраки Сумеречного базара. Книга вторая

Кассандра Клэр

Миры Кассандры КлэрСумеречные охотникиПризраки Сумеречного базара

Пять новых историй из мира Сумеречных охотников и жителей Нижнего Мира. Разные истории. Разные герои. Разные эпохи – но есть то, что их объединяет. Место – Сумеречный базар. Здесь можно найти все что угодно для колдовства и магии. Здесь жители Нижнего мира заключают темные сделки, делятся тайнами и секретами. И человек – Джем Карстерс, вписавший немало славных страниц в историю Сумеречных охотников.

Кассандра Клэр

Призраки Сумеречного базара. Книга вторая

Cassandra Clare

Ghosts of The Shadow Market. Book II

© 2019 by Cassandra Clare, LLC

© А. Осипов, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Нашим прекрасным читателям

Каким бы ни было ваше физическое тело – мужским или женским, сильным или слабым, здоровым или больным, – все это совсем не так важно, как то, что заключено в вашем сердце.

Если у вас душа воина, вы – воин.

Какого бы цвета, размера и формы ни был светильник, пламя, горящее в нем, остается все тем же.

И это пламя – вы.

Нечестивцы

Париж, 1989 год

Среди Сумеречных охотников поговаривали, что невозможно узнать, что такое истинная красота, если не видел блистающие башни Аликанте. А еще – что ни один город на земле не сравнится с его чудесами. И что Сумеречный охотник чувствует себя по-настоящему дома только там и нигде больше.

Если бы кто-то спросил, что по этому поводу думает Селин Монклер, она бы сказала, что тот, кто так говорит, явно никогда не бывал в Париже.

Она могла бы воспеть готические шпили, пронзающие облака, мощные брусчаткой улицы, лоснящиеся под дождем, пляску солнечных бликов на волнах

Сены, и, bien s?r[1 - Конечно (фр.)], бесконечное разнообразие сортов сыра. Она бы заметила, что Париж был домом для Бодлера и Рембо?, Моне и Гогена, Декарта и Вольтера, что этот город изобрел совершенно новый способ говорить, видеть, думать, быть – способный даже самых обычных людей хоть немного приблизить к ангелам.

Париж был во всех отношениях la ville de la lumi?re. Город света. Если вы спросите меня, сказала бы вам Селин, ничего красивее просто быть не может.

Но ее никто никогда об этом не спрашивал. Мнение Селин Монклер никого не интересовало. Ни по какому вопросу.

До этих самых пор.

– Ты уверена, что нет какой-нибудь руны, способной удерживать этих мерзких тварей подальше? – спросил Стивен Эрондейл сквозь обрушившийся на них сверху шум крыльев.

Он увернулся и наугад сделал выпад в сторону пернатого противника.

Стая голубей пронеслась дальше, так и не напав. Селин шуганула отставших, и Стивен вздохнул с облегчением.

– Ты – мой герой, – сказал он.

Селин почувствовала, что щекам стало горячо. Тревожный знак. У нее всегда была эта ужасная проблема: она мгновенно краснела. Особенно в присутствии Стивена Эрондейла.

– Великий воин из рода Эрондейлов боится голубей? – поддразнила она, надеясь, что он не обратил внимания, как дрогнул ее голос.

– Не боится. Всего лишь проявляет разумную осторожность по отношению к существам возможно демонического происхождения.

– Демонические голуби?

– Я отношусь к ним с большим подозрением, – ответил Стивен с максимальным достоинством, доступным голубефобу, и постучал по висящему у него на поясе длинному мечу. – И, между прочим, великий воин всегда готов сделать то, чего потребует ситуация.

Еще одна стая голубей поднялась с мостовой. Воздух наполнился трепетом крыльев, перьями и пронзительными воплями Стивена.

Селин расхохоталась.

– О, я вижу! Воистину, ты бесстрашен перед лицом опасности. Если только на этом лице нет клюва.

Стивен обжег ее яростным взглядом. Пульс Селин заплясал. Кажется, она перегнула палку? Но тут Стивен ей подмигнул.

Иногда она желала его так сильно, что сердце едва не взрывалось.

– Ты уверена, что мы все еще движемся в верном направлении? – спросил он. – По-моему, мы ходим кругами.

– Доверься мне.

Стивен галантно прижал руку к сердцу.

– Bien s?r, mademoiselle[2 - Разумеется, сударыня (фр.)].

Если не считать исполнения главных ролей в ее мечтах, Стивен не показывался на горизонте Селин с тех пор, как четыре года назад окончил Академию. Тогда он едва ее замечал – был слишком занят тренировками, девушкой, друзьями из Круга, чтобы обращать внимание на худышку, провожавшую глазами каждый его шаг. Но сейчас-то, краснея думала Селин, они почти равны. Да, ей семнадцать лет, еще студентка, а ему уже двадцать два года. Он уже взрослый. Доверенный помощник Валентина Моргенштерна в Круге – группе избранных молодых Охотников, поклявшихся очистить Конклав и вернуть ему древнюю славу. Но теперь Селин тоже была в Круге, и выбрал ее сам Валентин.

Валентин учился в Академии вместе со Стивеном и другими основателями Круга, но в отличие от них молодым никогда не казался. Большинство студентов и преподавателей считали компанию, с которой он водился, безобидной и странной лишь тем, что полночные дебаты о политике они явно предпочитали вечеринкам. Но Селин уже тогда понимала, что Валентин именно таким и хочет казаться – безобидным. Внимательному наблюдателю открывалось другое. На самом деле он был неистовым воином с неистовым разумом. Стоило ему устремить на кого-нибудь взгляд черных как чернила глаз, и жертву было уже не спасти. В свой Круг молодых Охотников он собирал тех, кто отличался не только способностями, но и верностью. Лучших, как сказал он сам, внезапно заговорив с Селин на особенно скучной лекции по истории Нижнего мира.

– Каждый член Круга – личность исключительная. Это касается и тебя. Если примешь мое предложение.

Никто и никогда еще не называл ее исключительной.

И с тех пор она чувствовала себя другой. Сильной. Особенной. Наверное, это действительно было так, потому что до выпуска еще целый год, а между тем вот она, Селин, – проводит летние каникулы на официальном задании со Стивеном Эрондейлом. Стивен был одним из величайших бойцов своего поколения, а теперь (спасибо Люциану Греймарку и злосчастному «происшествию с вервольфом») и главным доверенным лицом Валентина. Зато Селин знала Париж, его всем известные улицы и тайные переулки. Отличный случай продемонстрировать Стивену, что она уже не та, что была. Что она изменилась, стала исключительной. И у него без нее ничего не получится.

Вообще-то это были его слова. «Без тебя у меня не получится, Селин».

Ей нравилось, как ее имя слетает с его губ. Ей нравилось в нем все: голубые глаза, сверкавшие, как море на C?te d'Azur[3 - Лазурный берег (фр.)]. Почти белые волосы, мерцавшие золотом, как интерьеры Парижской оперы во дворце Гарнье. Изгиб шеи, тугие мускулы, гладкие линии тела, будто изваянного Роденом, – образец мужского совершенства. Он даже умудрился еще похорошеть с тех пор, как они встречались в последний раз.

А еще он успел жениться.

Об этом она старалась не думать.

– Может, прибавим шагу, а? – проворчал Роберт Лайтвуд. – Чем скорее мы с этим покончим, тем скорее вернемся к цивилизации. И к кондиционерам.

О Роберте она тоже старалась не думать. Нелегко вообразить, что у вас со Стивеном романтическая прогулка при луне, когда рядом все время кто-то брюзжит.

– Чем быстрее мы пойдем, тем сильнее ты вспотеешь, – заметил Стивен. – А этого никто не хочет, уж поверь мне.

В августовском Париже было градусов на десять жарче, чем в преисподней. Даже ночью воздух был похож на одеяло, вымоченное в горячем супе. Предосторожности ради они оделись не как Сумеречные охотники, а как обычные люди, и выбрали одежду с рукавами подлиннее, чтобы прикрыть руны. Белая футболка, которую Селин выдала Стивену, уже промокла насквозь... хотя это было не так уж и плохо.

Роберт снова что-то пробурчал. В Академии Селин помнила его другим. Тогда он тоже был немного зажат и резок, но никогда не был жестоким. Сейчас в его глазах появилось что-то новое, и Селин это новое решительно не нравилось. Что-то ледяное... И оно слишком напоминало ей отца.

Стивен говорил, что Роберт вроде бы поссорился со своим парабатаем и теперь пребывал в предсказуемо раздраженном настроении.

– Это Роберт во всей красе, – как-то прокомментировал он. – Отличный боец, но позер. Беспокоиться не о чем.

Но Селин всегда беспокоилась.

Они поднялись на последний холм улицы Муфтар. Днем это была одна из самых многолюдных торговых улочек Парижа: фермерские продукты, разноцветные шарфы, продавцы фалафеля, киоски с мороженым джелато и толпы невыносимых туристов. Ночью тут все было закрыто и тихо. Париж – торговый город, но все его рынки и базары ночью отправлялись на покой. Все, за

исключением одного.

Селин повела их за угол, и дальше, по еще одной узкой и извилистой улице.

– Мы почти пришли.

Она старалась, чтобы в ее голосе не было слышно радостного предвкушения: Роберт и Стивен доходчиво объяснили ей, что Круг не одобряет Сумеречные базары. Жители Нижнего мира разгуливают там вперемешку с простецами, незаконные товары переходят из рук в руки, тайны свободно покупаются и продаются? Ну уж нет. Валентин объявил все это недостойными последствиями слабости и коррумпированности Конклава. Когда Круг придет к власти, заверил ее Стивен, все Сумеречные базары будут навсегда закрыты.

Селин всего несколько месяцев провела в Круге, но уже успела выучить простой урок: если Валентин что-то ненавидит, ее долг чувствовать то же самое.

И она очень старалась.

* * *

Сумеречный базар не обязательно должен находиться в месте, богатом темной энергией и настоящим на крови жестокого прошлого. Но вообще-то это очень помогает.

Париж всегда предоставлял для этого массу возможностей. Это город призраков, в большинстве своем недобрых. То одна революция, то другая, залитые кровью баррикады, головы, катящиеся из-под ножа гильотины, Сентябрьская резня 1792 года, Кровавая неделя в 1871-м, сожжение Тюильри, Террор... Ребенком Селин не одну бессонную ночь бродила по городу, вызывая из прошлого призрачные картины его грандиозных жестокостей. Ей нравилось воображать крики, доносящиеся сквозь столетия. Так она чувствовала себя менее одинокой.

Не самое обычное детское увлечение, она и сама это понимала.

Но детство у нее тоже было не самое обычное. Она выяснила это, только когда прибыла в Академию, где впервые увидела Сумеречных охотников своего возраста. В тот день весь первый курс только и щебетал об идиллической жизни в Идрисе, Лондоне, Нью-Йорке и Токио, о бешеных скачках по Броселиандской равнине, о тренировках под любящим взглядом родителей и институтских наставников. Короче, идиллия царила везде, где ее, Селин, не было. Через некоторое время она перестала слушать и ускользнула незамеченной – горькая зависть не позволила ей остаться. Равно как и перспектива рассказывать о себе.

Она выросла в провансальском замке своих родителей, окруженном яблоневыми садами, виноградниками и лавандовыми полями. La belle époque[4 - Прекрасная эпоха (фр.)], одним словом!

Селин знала, что родители любили ее – они много раз ей об этом говорили.

– Мы поступаем так, потому что любим тебя! – говорила мама, запирая ее в подвале.

– Мы поступаем так, потому что любим тебя! – говорил папа перед тем, как отхлестать ее кнутом.

– Мы поступаем так, потому что любим тебя! – говорили они, спуская на нее демона-дракона.

Это они говорили и тогда, когда бросили ее, восьмилетнюю и безоружную, в лесу, полном вервольфов.

Так родители учили ее тому, что у слабости, неуклюжести и страха всегда есть последствия. Кровавые последствия.

В первый раз она сбежала в Париж, когда ей было восемь лет. Слишком юная, чтобы верить, будто она сможет исчезнуть навсегда. Она отыскала дорогу к Arènes de Lutèce[5 - Арена Лютеции (фр.)], остаткам римского амфитеатра первого века новой эры – самым, наверное, старым в городе руинам, омытым кровью. Две тысячи лет назад гладиаторы бились здесь не на жизнь, а на смерть на потеху веселой, жаждущей крови толпы – пока и толпу, и арену не смели не менее жадные до крови орды варваров. Потом здесь было кладбище, а сейчас – еще одна ловушка для туристов, куча камней, на которую скупающие школьники

и смотреть не хотят. Но это днем.

А под луной это место так и кишело обитателями Нижнего мира. Вакханалия волшебных вин и фруктов; заколдованные горгульи; вальсирующие вервольфы; вампиры в беретах, рисующие портреты кровью; ифрит-аккордеонист, способный заставить тебя умереть, истекая сладкими слезами. Это был Парижский Сумеречный базар, и Селин сразу почувствовала себя здесь дома.

В первый раз она провела тут две ночи: обходила все лавки подряд, познакомилась со стеснительным щенком-вервольфом, утолила голод крепом с «Нутеллой», который, не задавая вопросов, купил ей какой-то Безмолвный Брат. Она спала под прилавком с вампирской бижутерией, скрытая складками скатерти; тусовалась на волшебной ярмарке с какими-то рогатыми детишками. Она, наконец, узнала, что это такое – быть счастливой. А на третью ночь Сумеречные охотники из Парижского Института выследили ее и вернули домой.

Так она узнала, каковы бывают последствия побега – и не в последний раз.

Мы любим тебя слишком сильно, чтобы потерять.

Той ночью Селин лежала, свернувшись в углу подвала и думала: так вот, значит, каково это, когда тебя любят слишком сильно.

* * *

Дело у них было простое и понятное. Отыскать на Парижском Сумеречном базаре лавку чародейки по имени Доминик дю Фруа. Собрать доказательства того, что она ведет какие-то незаконные дела с двумя Охотниками-отступниками.

– Есть основания предполагать, что они продают ей кровь и части тела кого-то из Нижнего мира в обмен на незаконные услуги, – сказал Валентин, отправляя их на поиски.

Ему были нужны улики. Селин, Стивен и Роберт должны были их добыть.

– Только тихо, – предупредил их Валентин. – Нельзя, чтобы она предупредила сообщников.

В его устах слово «сообщники» прозвучало просто омерзительно. То, что в дело замешан кто-то из Нижнего мира, и так плохо, но если Сумеречные охотники ведут с кем-то из них темный бизнес... Это уже ни в какие ворота не лезет.

Первый этап оказался простым. Найти Доминик дю Фруа было несложно, ее имя светилось в небе неоновыми огнями. Ярко сияющие трехфутовые буквы над ее палаткой гласили: «ДОМИНИК ДЮ ФРУА – СКИДКИ ВСЕГДА!» Неоновая стрелка указывала вниз.

– Чародейка, – кисло процедил Роберт. – Все в продажу.

– На продажу, – поправила Селин, но слишком тихо, чтобы он услышал.

Изящная палатка со столами-витринами и занавешенным отсеком позади торгового зала была под завязку забита безвкусной бижутерией и склянками с разноцветными зельями, но ничто из этого даже близко не могло сравниться в безвкусице и живописности с самой хозяйкой. Волосы Доминик были выкрашены в платиновый блонд с ярко-розовыми прядями. Половина волос была собрана в хвост, другая завита мелким бесом и залита лаком до состояния пластмассы. Рваная кружевная блузка, черная кожаная мини-юбка, довершали ансамбль фиолетовые митенки и примерно половина всего ассортимента бижутерии на шее. Метка чародейки, длинный оперенный розовый хвост, обвивал ее плечи словно боа.

– Выглядит, как будто демон-эйдолон решил прикинуться Синди Лопер[6 - Синди Лопер (р. 1953) – американская певица, автор песен и активистка, знаменитая, в том числе, экстравагантным обликом и хитом 1983 года «Девушки просто хотят повеселиться».] и застрял посередине, – пошутила Селин.

– А? Она что, тоже колдунья? – подозрительно спросил Роберт.

– Ага, – усмехнулся Стивен. – Еще одна колдунья. Конклав казнил ее, хотя она просто хотела повеселиться.

Селин и Стивен расхохотались и смеялись еще долго, а Роберт бушевал, что из него делают посмешище. Как и большинство Сумеречных охотников, Селин выросла в полном неведении о достижениях поп-культуры простецов. Стивен, напротив, принес в Академию тайное знание о группах, книгах, песнях и фильмах, о которых там никто слыхом не слыхивал. Впрочем, вступив в Круг, он забыл «Секс Пистолз» так же легко, как отказался от кожаной куртки и драной джинсы в пользу черной формы, которую внедрял Валентин. Но Селин все равно последние два года усердно изучала телевидение – так, на всякий случай.

Я могу стать всем, чем ты пожелаешь, – подумала она, жалея, что у нее не хватает храбрости сказать это вслух.

Селин знала Аматис, жену Стивена. Ну, во всяком случае, была с ней знакома. Аматис была надменна и остра на язык. А еще категорична, скандальна, упряма и вообще-то не так уж красива. Кроме того, ходили слухи, что она продолжает тайно общаться со своим братцем-вервольфом. Правда это Селин не волновало – она ничего не имела против Нижнего мира. Зато много имела против Аматис, которая явно не ценила того, что у нее есть. Стивену нужен тот, кто будет им восхищаться, соглашаться с ним и во всем поддерживать. Кто-то вроде Селин. Как бы только заставить его самого это понять?

Пару часов они скрытно наблюдали за чародейкой. Доминик дю Фруа то и дело бросала лавку без присмотра и отправлялась посплетничать с другими торговцами или чем-нибудь с ними поменяться, будто сама хотела, чтобы кто-то порылся в ее вещах.

Стивен театрально зевнул.

– Я надеялся, будет интереснее. Давайте покончим с этим и пойдем отсюда. Тут воняет нижнемирскими. Мне срочно нужно в душ.

– Oui, c'est terrible[7 - Да, это ужасно (фр.)], – соврала Селин.

В следующий раз, когда Доминик снова куда-то отлучилась, Стивен сел ей на хвост, а Роберт тут же устремился за занавеску – искать доказательства незаконных сделок. Селин оставили караулить. Она сделала вид, что интересуется товарами на соседнем прилавке, откуда могла подать Роберту сигнал, если Доминик вдруг надумает вернуться.

Конечно, ей поручили самое скучное, работу для которой не нужно ничего, только уметь покупать украшения. Ее явно считали бесполезной.

Селин делала, как ей сказали: изображала живой интерес к заколдованным кольцам совершенно уродского вида, толстым золотым цепям, браслетам с медными и оловянными подвесками-шармами, на которых были вырезаны портреты Великих Демонов. Но вдруг она заметила нечто действительно интересное: к прилавку в типичной обескураживающе нечеловеческой манере плыл Безмолвный Брат. Некоторое время она искоса следила, как Сумеречный охотник в монашеской одежде внимательно изучает украшения. Что он вообще может искать в таком месте?

Мелкий косматый вервольф, который охранял прилавок, был ребенком, даже не подростком. На Селин он не обратил ни малейшего внимания, а вот к Безмолвному Брату устремился, широко распахнув от страха глаза.

– Тебе нельзя тут шнырять! Мой босс ваших не любит!

А ты не слишком молод, чтобы иметь босса?

Слова эхом раскатились в голове у Селин – она даже подумала, уж не хочет ли Безмолвный Брат, чтобы она услышала разговор. Нет, вряд ли – она стояла в нескольких футах от них, да и с чего бы монаху ее замечать?

– Родители выкинули меня на улицу, когда меня укусили, так что либо работай, либо с голоду помирай, – пожал плечами маленький вервольф. – А поесть я люблю. Так что давай, катись отсюда, а не то явится босс и решит, что я продаю товар Сумеречным охотникам.

Я ищу одно украшение.

– Слушай, чувак, тут реально нет ничего такого, что нельзя купить в других местах. Там и лучше, и дешевле. Честно, у нас одно барахло.

Да, вижу. Но мне нужно кое-что особенное, и мне говорили, что получить это я смогу только здесь. Серебряное ожерелье с подвеской в виде цапли.

Слово «цапля» кольнуло слух Селин. Очень необычный запрос. Такой мог сделать только Эрондейл.

– А, да. Не знаю, как ты об этом узнал, но, возможно, у нас такое найдется. Но я уже сказал, мне нельзя ничего продавать Су...

А если я удвою цену?

– Да ты еще не знаешь, сколько оно стоит!

Не знаю. Но думаю, что лучшей цены тебе все равно никто не предложит, раз уж ожерелье не выставлено на продажу.

– Я уже и сам ему об этом говорил, но... – волчонок наклонился ближе и понизил голос. Селин постаралась не подать виду, что из кожи вон лезет, лишь бы услышать, о чем они говорят. – Босс не хочет, чтобы жена знала, что он эту штуку продает. Он сказал, что пустит слушок, и покупатель вскоре сам найдется.

Вот он и нашелся. Представь, как босс обрадуется, когда узнает, что ты продал вещь выше запрошенной цены.

– Только вот не надо ему знать, кто ее купил.

Ну, от меня он точно не узнает.

Малыш еще пораскинул мозгами, потом нырнул под прилавок и вынырнул с серебряным кулоном. Селин чуть не ахнула. Изящно отлитая цапля сверкнула в лунном свете – идеальный подарок для юного Эрондейла, гордящегося своим происхождением. Она прикрыла глаза и позволила себе на мгновение отплыть в другую реальность – в ту, где она мола делать Стивену подарки. Она застегнула цепочку у него на шее, касаясь мягкой кожи, вдыхая ее чарующий запах...

– Мне нравится, – сказал он. – Почти так же сильно, как ты.

Красивая, правда?

Она вздрогнула от голоса Безмолвного Брата, раздавшегося прямо у нее в голове. Нет, конечно, он не мог знать, о чем она думает, но ее щеки все равно вспыхнули от стыда. Вервольф отошел в глубь лавки, чтобы пересчитать деньги, а Безмолвный Брат уставился своим незрячим взглядом... прямо на Селин.

Он был не похож на других Братьев, которых она встречала: лицо совсем молодое, даже симпатичное. В черных как крыло ворона волосах серебрились седые пряди; глаза и рот были запечатаны, но не зашиты. Обе щеки пересекали жестокие руны. Селин вспомнила, как раньше отчаянно завидовала Безмолвному Братству. У них были шрамы – как у нее; они вынесли страшную боль – как и она. Но шрамы дали им силу, а боль не имела значения, потому что чувств у них не осталось.

Увы, девочек в Безмолвное Братство не брали. Селин это всегда казалось нечестным. Девочек принимали Железные Сестры. Селин нравилась эта идея, когда она была моложе, но сейчас идея жить затворницей на вулканической равнине, где совершенно нечего делать, только ковать оружие из адамаса, совершенно ее не прельщала. От одной мысли об этом у нее начиналась клаустрофобия.

Простите, что напугал вас. Я заметил ваш интерес к подвеске.

– Она... она кое о ком мне напомнила.

О том, кто, судя по всему, вам очень дорог.

– Да... да.

Этот кто-то случайно не Эрондейл?

– Да, и он просто чудо!

Слова сами слетели у нее с языка – но в том, чтобы наконец произнести это вслух, была неожиданная радость. Никогда раньше она себе такого не позволяла – не при других людях. Наедине с собой, впрочем, тоже.

Вот так всегда с Безмолвными Братьями. Общаться с одним из них – совсем не то же самое, что общаться с другими людьми или быть одному. Довериться Безмолвному Брату, это все равно что никому не довериться, подумала Селин. Что и кому он расскажет?

– Стивен Эрондейл, – сказала она тихо, но твердо. – Я влюблена в Стивена Эрондейла.

В словах была странная сила, как будто произнеся свое желание вслух, она оказалась на шаг ближе к его исполнению.

Любовь Эрондейла может быть великим даром.

– О да, она просто поразительна! – вырвалось у нее с такой горечью, что не заметить этого не смог даже Безмолвный Брат.

Я вас расстроил.

– Нет, ничуть. Просто... дело в том, что это я люблю его. А он едва замечает мое присутствие.

А.

Глупо было надеяться на сочувствие Безмолвного Брата. Примерно как ждать жалости от скалы. Лицо его оставалось совершенно бесстрастным, но голос у нее в голове звучал мягко. Она даже позволила себе поверить, что он был немножко добрым.

Наверное, это нелегко.

Будь Селин девушкой другого типа – той, у кого есть подруги, сестры или мама, способная испытывать какие-то чувства, кроме ледяного презрения, – она бы, скорее всего, давно бы разболтала кому-нибудь о Стивене. Часами обсуждала бы его интонации или то, как иногда он почти флиртует с ней... Или как он коснулся ее плеча в знак благодарности, когда она одолжила ему кинжал. Может, от этого боль любви к нему хоть немного притупилась бы... Может, она бы даже сумела как-то выговориться, освободиться от этой проклятой любви. И тогда

разговоры о Стивене стали бы просто общим местом – как разговоры о погоде. Так, фоновый шум.

Но поговорить Селин было не с кем. У нее не было друзей – только тайны, и чем дольше она их хранила, тем больнее они ранили.

– Он меня никогда не полюбит, – сказала она. – Я всегда хотела только одного: быть рядом с ним, но вот он здесь, и я не могу его получить... и это даже хуже. Я просто... мне просто... в общем, это так больно.

Иногда я думаю, что на свете нет ничего мучительнее отвергнутой любви. Любить того, кого не можешь получить. Стоять рядом с предметом своих желаний и не иметь возможности заключить его в объятия. Любовь, не знающая награды. Не могу представить ничего больнее.

Не может быть, чтобы Безмолвный Брат понимал ее чувства. И все же...

Он говорил так, словно ясно понимал, что она ощущает.

– Хотела бы я быть похожей на вас, – сказала она.

В каком смысле?

– Ну, просто взять и выключить чувства. Ничего не чувствовать. Ни к кому.

Последовало долгое молчание. Селин испугалась, уж не обидела ли она его. Хотя возможно ли это? Наконец прохладный ровный голос зазвучал снова.

Подобные мечты лучше оставить. Чувства, даже самые трудные, делают нас людьми. Возможно, даже именно они. Любить, терять, желать – все это значит быть по-настоящему живым.

– Но... вы же Безмолвный Брат. Вам же не полагается чувствовать ничего подобного, разве нет?

Я... – Последовала еще одна долгая пауза. – Я помню, как чувствовал все это. Воспоминания – теперь для меня это самое близкое подобие чувств.

– И вы, насколько я могу судить, до сих пор живы.

Иногда об этом тоже нелегко помнить.

Не знай Селин, что это в принципе невозможно, она решила бы, что он вздохнул.

Тот Безмолвный Брат, которого она встретила в первый свой визит на Сумеречный базар, был такой же добрый. Он просто купил ей блин и не стал спрашивать, где родители или что она тут делает совсем одна, и почему ее глаза покраснели от слез. Он тогда просто встал на колени и уставился на нее своими слепыми глазами.

Мир – очень сложная штука, чтобы противостоять ему в одиночку, – сказал он у нее в голове. – Ты не обязана делать это.

А потом сделал то, что получалось у Безмолвных Братьев лучше всего: погрузился в безмолвие. Даже тогда, ребенком, она понимала: он ждет, чтобы она сказала, чего хочет. И если бы она попросила помощи, он бы, вполне возможно, ее оказал.

Но помочь ей не мог никто. И она это знала. Монклеры были уважаемой, могущественной семьей Сумеречных охотников. Сам Консул прислушивался к ним. Скажи она Брату, кто она такая, он бы тут же отвез ее домой. Скажи она Брату, что ее там ждет и какие ее родители на самом деле, он бы, скорее всего, ей не поверил. И даже, возможно, донес, что она распространяет о них ложные слухи. И тогда для нее наступили бы последствия.

Она поблагодарила за блин и поспешила убраться подобру-поздорову.

С тех пор прошло много времени. Осенью она вернется в Академию, закончит последний курс. И ей никогда больше не придется жить в доме родителей. Еще немного, и она будет свободна. Нет, ничья помощь ей не нужна.

Но мир все еще был очень трудной штукой, чтобы противостоять ему в одиночку.

А она была одинока. Очень одинока.

– Возможно, боль от любви к кому-то – просто одно из обстоятельств жизни, но можно ли сказать то же самое о любой боли вообще? Вы не думаете, что лучше просто взять и прекратить мучения?

Вас что-то мучает?

– Я... – она призвала всю свою храбрость.

Она может это сделать... Она и сама почти в это поверила. Она может рассказать этому незнакомцу про свой холодный дом. Про родителей, замечавших ее, только когда она делала что-то не так. О последствиях, ожидавших ее в этом случае.

– Дело в том, что...

Безмолвный Брат резко отвернулся, и она замолчала. Его незрячий взгляд уставился на бежавшего к ним человека в черном плаще-тренче. Увидев Безмолвного Брата, тот застыл как вкопанный и побледнел, потом развернулся и кинулся прочь. Большинство нижнемировских теперь избегали Сумеречных охотников – новости о Круге и его подвигах распространялись быстро. Но здесь, кажется, было что-то личное.

– Вы его знаете? – спросила Селин.

Прошу прощения, мне придется заняться им.

Безмолвные Братья не показывают эмоций, и, насколько Селин знала, даже не ощущают их. Иначе она сказала бы, что этот Брат что-то чувствовал, и очень глубоко. Страх или возбуждение – или то причудливое сочетание одного с другим, что возникает перед битвой.

– Хорошо, я только...

Но Безмолвный Брат уже исчез. Она снова осталась одна. И слава Ангелу, подумала Селин. Слишком опасно вытаскивать на свет темную правду – даже если ты всего лишь заигрываешь с этой мыслью. Как это глупо, как слабо – хотеть, чтобы тебя услышали. Чтобы тебя по-настоящему увидели – хоть кто-то,

пусть даже человек, чьи глаза никогда не открываются. Родители всегда говорили, что она глупая и слабая. Возможно, они были правы.

* * *

Путь Брата Захарии лежал через запруженный народом Сумеречный базар. В странную игру они играли: охотник держался в нескольких футах от дичи. Дичь звали Джек Кроу, и он определенно знал, что Захария встал на его след. Тот, в свою очередь, мог прибавить шагу и настичь добычу в любой момент. Но Кроу не останавливался, а монах его не догонял. Вскоре Кроу добрался до края арены и углубился в густой лабиринт улочек, начинавшийся сразу за воротами.

Брат Захария не отставал.

Он с большой неохотой покинул девушку – у них явно было что-то общее. Каждый отдал частицу своего сердца Эрондейлу. Оба любили тех, кого не могли получить.

Конечно, любовь Брата Захарии была лишь бледным подобием настоящего, первозданного человеческого чувства. Казалось, будто он смотрит на мир сквозь завесу, и с каждым годом все труднее было вспоминать, что там, по другую ее сторону. Каково это – желать Тессу, тосковать по ней, как может тосковать живой, дышащий мужчина? Каково это – нуждаться в ней? Захария уже ни в чем по-настоящему не нуждался. Ни в еде, ни во сне, ни даже в Тессе, хотя это чувство он еще иногда пытался в себе вызвать. Его любовь жила, но уже притупилась. А вот любовь этой юной девушки до сих пор была зазубрена по краям – это помогло ему вспомнить.

И ей нужна была помощь. Самая человеческая, человеческая часть Захарии едва не соблазнилась остаться рядом с ней. Девушка была такой хрупкой, и так решительно это скрывала. Она тронула его сердце... но сердце Брата Захарии было замуровано в камне.

Он попробовал себя переубедить. В конце концов, сам факт того, что он сейчас здесь, говорил об обратном: сердце у него до сих пор человеческое. И он уже много десятилетий охотился – из-за Уилла, из-за Тессы, из-за того, что где-то внутри него все еще жил Джем, мальчик-Охотник, любивший их обоих.

До сих пор любивший их обоих, – напомнил себе Брат Захария. В настоящем времени.

Подвеска-цапля укрепила его подозрения. Этого человека он и искал. Захария не мог позволить ему уйти.

Кроу нырнул в узкий, мощный брусчаткой переулок. Захария свернул следом, напряженный и собранный. Он чувствовал, что их медленная погоня близится к концу. Разумеется, переулок закончился тупиком. Кроу развернулся, в руке блеснул нож. Он был совсем молод, ему едва перевалило за двадцать, гордое лицо, копна светлых волос.

У Брата Захарии тоже было оружие, и он научился прекрасно им владеть, но даже не попытался применить посох. Этот человек угрозы не представлял.

– Ладно, Охотник. Ты меня хотел, ты меня получил.

Кроу напружил ноги и крепче сжал нож, явно ожидая нападения. Брат Захария рассматривал его лицо в поисках чего-нибудь знакомого, но нет – ничего. Мальчик притворяется воином и храбрецом. Незрячие глаза Брата Захарии легко различали то, что кроется за масками. И сейчас они видели страх.

Сзади слышался шорох.

– Знаешь, как говорят, Охотник: будь осторожнее со своими желаниями, – сказал женский голос.

Брат Захария неторопливо повернулся. Сюрприз. У входа в переулок стояла молодая женщина, даже моложе Кроу. Прекрасная, почти неземной красоты: сияющие светлые кудри, рубиновые уста и пронзительно синие глаза – как раз такие, которые много тысячелетий могут вдохновлять плохих поэтов. Красавица нежно улыбалась. И целилась из арбалета Брату Захарии прямо в сердце.

Он почувствовал укол страха. Не из-за ножа и арбалета – их можно не бояться. Он предпочел бы вовсе избежать драки, но при необходимости легко обезоружил бы нападавших, и они не смогли бы защититься. В том-то и заключалась проблема.

Страх коренился в понимании того, что он, кажется, достиг цели. Поиск – единственное, что еще привязывало его к Уиллу, к Тессе, к его прежнему «я» – сегодня, возможно, подойдет к концу. Что если он только что оборвал последнюю ниточку к Джеймсу Карстерсу? И совершил свой последний действительно человеческий поступок?

– Давай, Охотник, – процедила женщина. – Не держи в себе. Если очень повезет, мы, возможно, оставим тебя в живых.

Я не хочу сражаться с вами.

Судя по их реакции, услышать голос у себя в голове они никак не ожидали. Эти двое знали достаточно, чтобы опознать Сумеречного охотника, – но, кажется, все же не так много, как сами думали.

Я искал тебя, Джек Кроу.

– Ага, я слышал. Жаль, тебя не предупредили: люди, которые меня ищут, обычно очень об этом жалеют.

Я не собираюсь причинять тебе вред. Я лишь хочу доставить послание. Оно касается того, кто ты и откуда пришел. Возможно, тебе будет трудно в это поверить, но...

– Да, да, я тоже Сумеречный охотник, – пожал тот плечами. – Скажи лучше что-нибудь, чего я не знаю.

* * *

– Покупать будешь или так сопрешь?

Селин уронила бутылочку с зельем. Та разбилась, выпустив облачко вонючего синего дыма.

Когда Безмолвный Брат выбрал вместо нее того горячего парня в черном тренче, юный вервольф запер лавку, свирепо уставился на Селин и таращился, пока она

не решила, что пора бы и честь знать. Двигаясь по сложной траектории, она вернулась к лавке Доминик дю Фруа, пытаясь не вызывать подозрений. Это ей удалось, но тут откуда ни возьмись появилась сама чародейка.

– Или ты просто хотела тут бардак устроить? – продолжила та уже по-французски.

Селин выругалась про себя. Ей поручили одно-единственное задание, простейшее, униительно легкое, но даже его она умудрилась провалить. Стивена нигде не было видно, а Роберт продолжал тихо хозяйничать в палатке.

– Я ждала, когда вы вернетесь, – громко сказала она по-английски, надеясь, что Роберт услышит. – Слава богу, вы наконец-то пришли. Я уже почти сварилась на этой жаре.

Последнюю фразу она произнесла еще громче – условный сигнал. Смысл его был простым: вылезай оттуда немедленно. Оставалось надеяться, что она сумеет отвлечь чародейку и позволит Роберту смыться незамеченным. Где этого Стивена носит?

– Bien s?r[8 - Ну конечно (фр.)], – акцент у Доминик был жуткий, таким французский язык, наверное, становится в Южной Калифорнии. Селин даже подумала: интересно, занимаются ли чародеи серфингом? – И за чем же мадемуазель пришла ко мне?

– За приворотным зельем.

Разумеется, это первое, что пришло ей в голову. Возможно потому, что она как раз заметила спешащего к ним Стивена (он не слишком ловко притворялся, что совершенно никуда не торопится). Интересно, как ему удалось потерять Доминик? И не нарочно ли она от него ускользнула?

– Приворотное зелье, значит? – чародейка проследила за ее взглядом и одобрительно прищелкнула языком. – А он неплох... хотя на мой вкус, пожалуй, чересчур мускулист. Чем лучше тело, тем хуже мозги – тут я еще ни разу не ошибалась. Но тебе, возможно, по сердцу как раз тот, кто глупее и красивее. Chacun ? son go?t[9 - Вкусы у всех разные (фр.)], а?

– Э-э-э... oui. Глупее и красивее, точно.

Где там Роберт застрял?! Скорее всего, он улизнул так, что даже она не заметила, но рисковать Селин не могла.

– Так вы мне можете?

– Любовь немножко выходит за рамки моей компетенции, chérie[10 - Дорогуша (фр.)]. Если тебе кто-то здесь что другое сказал, так он бессовестно врет. А вот что я могу тебе предложить...

Тут она замолчала, потому что к ним подбежал Стивен. Вид у него был слегка встревоженный.

– У вас тут все в порядке?

Он метнул на Селин озабоченный взгляд. Сердце у нее заколотилось – это он о ней беспокоится!

– В полном, – кивнула она. – Мы просто...

– Твоя подруга хотела приворотное зелье, чтобы заставить тебя в нее влюбиться, – сообщила колдунья.

Селин подумала, что тут на месте и умрет.

– ...а я ей как раз говорила, что могу только предложить альтернативу, но довольно эффективную.

Она вытащила из-под прилавка что-то вроде баллона с лаком для волос и щедро пшикнула Стивену прямо в лицо. Выражение его сразу сделалось очень покладистым.

– Что ты наделала?! – закричала Селин. – Зачем ты вообще это сказала?!

– Ой, расслабься. Поверь, милая, в этом состоянии ему плевать, кто что сказал. Гляди.

Стивен смотрел на Селин, как будто никогда раньше не видел. Он протянул руку и коснулся ее щеки – очень осторожно, словно прикасался к чему-то чудесному. Неужели ты настоящая? – говорил его взгляд.

– Кажется, у твоей подружки-блондинки тяжелый случай демонической оспы, – сказала Доминик Стивену.

Селин решила, что падать замертво, пожалуй, не будет. Лучше уж придушить чародейку.

– Оспа – это так сексуально, – пролепетал Стивен. – А сыпь у нее будут?

И томно посмотрел на Селин.

– Ты будешь так прекрасна с сыпью!

– Видишь? – заметила колдунья. – Вот тебе и весь приворот.

– Что ты с ним сделала?!

– А головой подумать? То, чего ты и хотела. Ну, то есть это, конечно, дешевый суррогат, но на то здесь и Сумеречный базар, да?

Селин потеряла дар речи. Вообще-то она была в ярости – за Стивена. А вот за себя саму... она чувствовала что-то другое. Чего, по идее, чувствовать не должна была.

– Тебе кто-нибудь говорил, какая ты красивая, когда смущаешься? – прорвало Стивена, и он одарил ее совершенно безумной улыбкой. – Конечно, еще ты очень красива, когда злишься, и когда грустишь, и когда счастлива, и когда смеешься, и когда...

– Что?

– Целуешь меня, – сказал он. – Но это пока только теория. Ты не хотела бы проверить на практике?

– Стивен, я не уверена, что ты понимаешь...

Но он уже целовал ее.

Стивен Эрондейл ее целовал!

Его губы прижимались к ее губам, руки обнимали за талию, ласкали спину, ладони касались щек. Он перебирал пальцами ее волосы. Обнимал так крепко, словно желал получить больше, чем у него было, – словно желал ее всю.

Селин попыталась удержать дистанцию. Все это нереально, напомнила она себе. Это не он. Но по ощущениям все было совершенно реально. Стивен Эрондейл, такой теплый и настоящий, в ее объятиях... он хочет Селин... и она сдалась.

На одно бесконечное мгновение она растворилась в блаженстве.

– Наслаждайся, пока можешь, голубушка. Примерно через час зелье выветрится.

Голос Доминик дю Фруа вернул ее обратно в реальность. В ту реальность, где Стивен Эрондейл женат на другой. Селин заставила себя отодвинуться. Стивен перывисто вздохнул. Казалось, он вот-вот заплачет.

– Пробник бесплатно. Хочешь постоянного действия – плати, – сказала чародейка. – Но, думаю, я могла бы сделать тебе особую скидку для Охотников.

– Откуда ты знаешь, что я Охотник? – застыла Селин.

– А кем еще ты можешь быть с такой-то красотой и грацией? – встрял Стивен.

Селин не отреагировала на его слова. Что-то здесь не так. Ее руны не видно, одежда – обычная, оружие спрятано. Ничто не должно было выдать ее.

– Или, может, ты захочешь купить две порции, – продолжала колдунья. – Одну для этого придурка, а вторую – для того, что за занавеской. Конечно, он не такой красавчик, но такие, застегнутые на все пуговицы, бывают очень забавными, когда расстегнутся...

Рука Селин двинулась к спрятанному кинжалу.

– А чего ты удивляешься, Селин? – пожала плечами торговка. – Ты правда думала, я не в курсе, что вы за мной следите? Думала, я брошу лавку без охраны? Сдается мне, тупой и красивый тут не только этот герой-любовник.

– Откуда ты знаешь, как меня зовут?

Колдунья запрокинула голову и расхохоталась. Блеснули золотые зубы.

– Любой житель Нижнего мира в городе знает про бедняжку Селин Монклер, которая бродит по Парижу, словно несчастная Эпониная[11 - Эпониная Тенардьё – персонаж романа Виктора Гюго «Отверженные»]. Поверь, нам всем тебя немного жаль.

В душе Селин всегда медленно кипел гнев, это было ее привычное состояние, но сейчас тайная ярость была готова вырваться наружу.

– Я хочу сказать, – продолжала колдунья, – что не могу позволить Сумеречным охотникам совать нос в мои дела, так что придется разобраться с тобой. Но мне будет жаль, когда ты умрешь.

Селин успела выхватить кинжал как раз в тот момент, когда из палатки хлынули демоны-халфасы. Крылатые твари накиннулись на них со Стивеном, растопырив острые как бритва когти и разинув клювы, из которых раздавался ужасный визг.

– Демоны-голуби! – с отвращением завопил Стивен... но длинный меч уже был у него в руке.

Клинок сверкал серебром в свете звезд, кромсая толстые чешуйчатые крылья.

Селин увернулась от двух птицеподобных демонов, выставив перед собой кинжал, а свободной рукой вытащила из ножен два ангельских клинка.

– Зуфлас, – прошептала она их имена. – Иофиэль.

Клинки засветились. Она швырнула их в противоположных направлениях. Каждый полетел демону прямо в горло. Два халфаса взорвались облаками кровавых перьев и ихора, Селин отдернула занавеску и ворвалась во вторую половину палатки.

– Роберт!

Он был заперт в огромной антикварной птичьей клетке (так, по крайней мере, это выглядело). Весь пол в ней был покрыт перьями демонов – как и сам Роберт. С виду он был невредим, но очень несчастен.

Селин сбила замок, и они оба кинулись на помощь Стивену, который уже успел разделаться с несколькими демонами. Правда еще несколько спаслись и теперь показывали фигуры высшего пилотажа на фоне ночного неба. Доминик открыла портал и собиралась покинуть место действия. Роберт прыгнул и схватил ее за шею, стукнул по голове рукоятью меча – звук получился знатный. Чародейка без чувств свалилась на землю.

– Почти сбежала, но нет, – проворчал он.

– Селин, ты ранена! – с ужасом воскликнул Стивен.

Она вдруг поняла, что один из демонов успел клюнуть ее в ногу. Джинсы уже промокли от крови. В пылу битвы Селин ничего не чувствовала, но теперь, когда адреналин начал отпускать, острая дергающая боль заявила о себе.

Стивен уже держал в руке стило, готовый нанести руну ираци.

– Ты еще прекраснее, когда у тебя идет кровь! – заявил он.

Селин покачала головой и отодвинулась.

– Я сама могу, – возразила она.

– Для меня будет честью исцелить твою идеальную кожу, – запротестовал Стивен.

– Его что, по голове ударили? – осведомился Роберт.

Селин постеснялась объяснить. К счастью, вдалеке слышался клекот халфасов, а потом женский крик.

– Вы двое, присмотрите за колдуньей, – распорядилась Селин. – А я разберусь с остальными демонами, пока они никого там не съели.

И она помчалась прочь, пока Роберт не успел спросить еще чего-нибудь.

– Я буду скучать! – крикнул ей вдогонку Стивен. – Ты так очаровательна, когда жаждешь крови!

* * *

Почти за двести лет до этих событий Сумеречный охотник по имени Тобиас Эрондейл был обвинен в трусости. За это преступление наказывали смертью. Закон в те времена был не просто суров, он был безжалостен. Однако казнить его не успели, Тобиас сошел с ума и бежал. И тогда Конклав применил ту же меру наказания к его жене Еве. Она умерла. Как и дитя Эрондейлов, которое она носила во чреве.

Так, по крайней мере, гласила история.

Много лет назад Брат Захария узнал правду. Он встретил колдунью, спасшую ребенка Евы и после гибели матери вырастившую его как своего.

Этот ребенок вырос, и у него тоже родился ребенок, а у того, в свою очередь, еще один, и так далее – целая тайная линия Эрондейлов, потерянная для мира Сумеречных охотников. До этих самых пор.

Сейчас последний ее представитель находился в большой опасности. Долгое время это было единственное, что знал Брат Захария. Но он положил все силы на то, чтобы узнать больше, – ради Тессы, ради Уилла. Он шел по следу из хлебных крошек, пробивал стены головой, едва не погиб от руки фейри, уверенного, что потерянным Эрондейлам лучше оставаться потерянными. Или еще того хуже.

Последний из рода Тобиаса Эрондейла влюбился в фейри. Их дети – не говоря уже о внуках – будут наполовину Сумеречными охотниками, наполовину фейри.

Это означало, что поисками занят не один Захария, и он не без оснований подозревал, что лишь он не желает потерянным Эрондейлам зла. Если посланец фейри готов напасть не только на Охотника, но и на Безмолвного Брата – то есть нарушить Договор, и притом самым вопиющим образом, – просто чтобы заставить его прекратить поиски, значит, дело не терпит отлагательств, а опасность поистине смертельна.

Десятилетия тайных поисков привели его сюда, на Парижский Сумеречный базар, к человеку, по слухам, обладавшему драгоценной подвеской в форме цапли – семейной реликвией Эрондейлов. Звали человека Кроу и, по слухам, он был простецом с даром Зрения, ушлым, но ненадежным и слишком довольным жизнью в тени.

Сначала Захария узнал про подвеску: одна парижская колдунья услышала о его поисках, сама нашла его и подтвердила информацию. Да, подозрения оказались верны: владелец кулона, как бы он сам себя ни называл, действительно был Эрондейл.

Судя по всему, новостью это стало только для Брата Захарии.

Так ты все это время знал о своем происхождении и ничем себя не выдал?

– Милая, я думаю, арбалет можно опустить, – сказал Кроу женщине. – Этот ясновидящий монах, кажется, не собирается причинить нам вред.

Она неохотно опустила оружие.

Спасибо.

– И, наверное, нам с ним стоит поговорить наедине, – добавил Кроу.

– Вряд ли это хорошая идея...

– Розмари, верь мне. У меня все под контролем.

Женщина, по-видимому, его жена, вздохнула. Так вздыхает тот, кто прекрасно знает, что такое истинное упрямство, и давно уже оставил попытки с ним бороться.

– Ладно. Но ты... – она ткнула стрелой в Брата Захарию, причем достаточно сильно, чтобы он почувствовал укол даже сквозь плотный балахон. – Заруби себе на носу: если с ним что-нибудь случится, я тебя найду и заставлю заплатить.

Я не хочу, чтобы с вами обоими что-то случилось. За этим я и пришел.

– Ладно-ладно, – она заключила Кроу в объятия, и оба замерли.

Захарию случалось слышать выражение «держаться так, будто от этого зависит твоя жизнь», но живую иллюстрацию нечасто увидишь. Эти двое так прильнули друг к другу, словно для них это был единственный способ выжить.

Он еще помнил, каково это – любить кого-то вот так. Каково это – не иметь возможности попрощаться. Женщина шепнула что-то Кроу на ухо, потом вскинула арбалет на плечо и растворилась в парижской ночи.

– Мы недавно поженились, и она... немного слишком заботлива, – объяснил Кроу. – Ну, ты знаешь, как оно бывает.

Боюсь, что нет.

Кроу смерил его взглядом. Захария задумался, что же, интересно, тот увидел. Впрочем, что бы это ни было, впечатления оно явно не произвело.

– Да уж, куда тебе.

Я очень долго искал тебя. Дольше, чем ты можешь представить.

– Слушай, мне правда жаль, что ты потратил столько времени, но я не хочу иметь ничего общего с вашими.

Боюсь, ты не понимаешь, в какой опасности оказался. Я не единственный, кто тебя ищет...

– Зато единственный, кто может меня защитить, так? Иди со мной, если хочешь жить, и все такое? Я это кино уже видел. И разыгрывать его в реальной жизни не собираюсь.

Он очень уверен в себе, подумал Брат Захария, испытывая странное желание улыбнуться. Возможно, в мальчике есть что-то знакомое.

– Человек вроде меня всегда наживет себе врагов. Я всю жизнь сам о себе заботился и не вижу причин, с какой стати...

Дальнейшие его слова потонули в жутком визге. Гигантский птицеподобный демон спикировал сверху, ухватил Кроу острым клювом за плащ и оторвал от земли.

Брат Захария выхватил один из случайно оказавшихся у него при себе ангельских клинков.

– Мебайя, – шепотом произнес он имя клинка и швырнул его вслед демону. Металл вошел в покрытую перьями грудь, и монстр взорвался прямо в воздухе. Кроу пролетел несколько футов и упал на кучу перьев, перепачканных ихором.

Захария хотел помочь ему встать, но Кроу пренебрежительно оттолкнул его руку. Он с отвращением разглядывал большую рваную дыру в плаще.

– Он же совсем новый!

И правда очень милый плащ. Был.

Захария не стал ему указывать на то, что после близкого знакомства с халфасом дырка только в плаще – большая удача. Ведь дыра могла остаться, например, в груди.

– Это и есть та опасность, о которой ты явился меня предупредить? Спасти мой тренч от адской чайки?

Мне кажется, это был, скорее, адский голубь...

Кроу отряхнулся и бросил подозрительный взгляд на небо, пока оттуда не прилетело что-нибудь еще.

– Слушай, мистер...

Брат. Брат Захария.

– О'кей, бро. Я понимаю, в битве парень вроде тебя может оказаться полезен, и раз уж ты решил защищать меня от больших гадких чудищ, спорить с тобой – себе дороже.

Брата Захарию немного удивила такая внезапная перемена настроения. Хотя, возможно, перспектива быть заклеванным до смерти демоном-голубем способна изменить любую точку зрения.

Я хочу, чтобы ты оказался в каком-нибудь безопасном месте.

– Ладно. Хорошо. Дай мне несколько часов, чтобы подбить хвосты, и мы с Розмари встретимся с тобой на рассвете на Мосту Искусств. Мы сделаем все, что ты скажешь. Обещаю.

Я могу составить тебе компанию... подбивать хвосты.

– Слушай, брат, хвосты, о которых я говорю, не любят, чтобы всякие Охотники совали нос в их дела. Надеюсь, ты понял мой намек.

Твой намек звучит слегка криминально.

– Арестуешь меня?

Меня волнует только твоя безопасность.

– Я целых двадцать два года как-то справлялся без твоей помощи. Думаю, и еще шесть часов продержусь, м?

Брат Захария потратил на поиски несколько десятков лет. Было бы крайне неразумно позволить этому юноше ускользнуть, заручившись одним только обещанием вернуться. Особенно учитывая все, что он успел узнать о его репутации. Репутация доверия не вызвала.

– Эй, я знаю, что ты думаешь, и знаю, что помешать тебе проследить за мной не смогу. Поэтому прошу простым понятным языком: хочешь, чтобы я тебе доверял? Тогда попытайся поверить мне. Клянусь чем хочешь: твой драгоценный потерянный Охотник будет ждать тебя на рассвете на том гребаном мосту.

И Брат Захария неохотно кивнул.

Ступай.

* * *

Пыток Селин не любила. Да и никакие это не пытки – просто нужно заставить чародейку говорить. Валентин учил свой Круг осторожно обращаться со словами. Роберту и Стивену предстояло «допросить» Доминик дю Фруа, с применением любых методов, какие покажутся им уместными. Получив ответы на вопросы – имя Сумеречного охотника, с которым она находилась в контакте, подробности совершенных преступлений – они должны были доставить ее к Валентину и передать ему вместе с перечнем ее прегрешений.

Сейчас колдунья сидела, привязанная к складному стулу в дешевых апартаментах, которые они использовали в качестве штаб-квартиры. Она была без сознания; из царапины на лбу капала кровь.

Роберт и Стивен называли ее просто «колдунья» – даже не по имени, словно она была не живым существом, а... вещью.

Валентин настаивал, чтобы они провели расследование тайно, так, чтобы та, за кем они следят, этого не заметила. Но не успела наступить полночь их первого дня в Париже, а они уже все испортили.

– Если мы добудем хоть какие-то ответы, он не очень разозлится, – сказал Стивен.

Это прозвучало не слишком похоже на предсказание – скорее, на мечту. Стивен уже перестал воспевать мальчишескую красу ног Селин и гипнотическую белизну ее фарфоровой кожи. Он утверждал, что ничего не помнит об эффектах зелья, но стоило ей отвернуться, его взгляд до сих пор упорно скользил в ее сторону.

А вдруг он все-таки помнит, гадала она.

Вдруг, прикоснувшись к ней, заключив в объятия, поцеловав, он открыл в себе новые, доселе неизведанные желания?

Конечно, Стивен до сих пор женат на Аматис, и даже если он желает Селин... или хотя бы чуть-чуть любит ее, с этим все равно ничего не поделаешь.

Но что если...

– Кто-нибудь, кроме меня, еще голоден? – спросила она.

– Разве я когда-нибудь бываю не голоден? – отозвался Стивен и отвесил чародейке оплеуху.

Та пошевелилась, но в себя не пришла.

– Пожалуй, пойду поищу, чем бы нам перекусить, пока вы тут... разбираетесь, – Селин попятилась к двери.

Роберт резко дернул чародейку за волосы. Она вскрикнула и открыла глаза.

– Много времени это не займет.

– Отлично!

Селин надеялась, что они не заметят, как отчаянно ей хочется оказаться подальше отсюда. У нее кишка была тонка для таких мероприятий, но нельзя допустить, чтобы об этом донесли Валентину. Слишком много сил она потратила, чтобы завоевать его уважение.

– Эй, да ты же хромаешь! – воскликнул Стивен. – Хочешь еще одну ираци?

Он все-таки беспокоился о ней. Но она тут же велела себе не выдумывать лишнего.

– Нога больше не болит, – соврала она. – Я в полном порядке.

Целительную руну она нанесла не очень аккуратно, и рана не закрылась полностью. Иногда лучше чувствовать физическую боль.

Когда она была маленькой, родители нередко отказывались наносить ей ираци после тренировок, особенно если причиной травм были ее же ошибки. «Пусть боль напоминает тебе, что в следующий раз нужно лучше стараться», – говорили они. Столько лет прошло, а она все еще совершает ошибки. Так много ошибок.

Селин уже одолела половину старой лестницы, когда обнаружила, что забыла кошелек. Она отправилась назад, но остановилась перед дверью – из комнаты донеслось ее имя.

– Я и Селин? – переспросил Стивен.

Чувствуя себя немного глупо, она достала стило и аккуратно нарисовала на двери руну. Усиленные магией голоса теперь звучали громко и четко.

– Да ты шутишь! – расхохотался Стивен.

– С виду это был отличный настоящий поцелуй...

– Я же был под чарами!

– И все равно. Она ведь симпатичная, не находишь?

Последовала мучительная пауза.

– Не знаю, никогда об этом не думал.

– Брак не означает, что тебе нельзя даже смотреть на других женщин. Надеюсь, ты это понимаешь?

– Дело совсем не в этом, – возразил Стивен. – А в том...

– ...что она таскается за тобой повсюду, будто слюнявый щенок?

– Ну, это, конечно, не способствует, – согласился Стивен. – Но она же совсем ребенок! Сколько бы лет ей не было, она все равно всегда будет ждать, пока ей кто-нибудь скажет, что делать.

– Тут я с тобой соглашусь. Но Валентин, кажется, уверен, что в девочке есть что-то большее.

– Всем свойственно ошибаться, – возразил Стивен. – Даже ему.

Теперь рассмеялись уже оба.

– Только при нем этого не ляпни!

Селин не сознавала, что бежит прочь, пока не почувствовала капли дождя на щеках. Она остановилась и привалилась к прохладному камню какого-то фасада, жалея, что не может раствориться и уйти в него целиком. Обратиться в камень, выключить нервы, чувства, сердце; наконец-то ничего больше не чувствовать...

В ушах у нее до сих пор звучал смех.

Она – просто шутка.

Нелепость.

Жалкое создание.

Стивен никогда о ней не думал, никогда не хотел, ему плевать, есть она или нет. И он никогда ее не захочет, что бы ни произошло дальше.

Ребенок. Ошибка. Ничтожество.

Переулки были пусты. Мостовые мерцали от дождя. Даже шарящий по окрестным кварталам прожектор на вершине Эйфелевой башни уснул, не говоря уж об остальном городе. Селин была совсем одна. Нога болела, слезы текли безудержным потоком. Сердце кричало от муки. Идти было некуда – и уж точно не назад, в эту комнату, к этому смеху.

Ничего не видя перед собой, Селин устремилась в ночь.

* * *

На темных спящих улицах Парижа Селин была как дома. Прошло много часов, а она все шла и шла куда-то. Через квартал Маре, мимо громады центра Помпиду, с Правого берега Сены на Левый и обратно. Она навестила горгулий собора Нотр-Дам: жуткие каменные демоны цеплялись за готические шпили, ожидая шанса кого-нибудь сожрать. Как-то даже нечестно – город битком набит каменными тварями, которые ничего не чувствуют, а ей приходится чувствовать так много...

Она шла через сад Тюильри – снова кровавые призраки, снова каменные изваяния, – когда внезапно почуяла след ихора. Селин все еще была Сумеречным охотником, а Охотник остро хотел на что-нибудь отвлечься – вот она и пошла по следу. Демона-шакса она догнала неподалеку от Оперы, но из тени не вышла, желая узнать, что он затевает. Шаксов использовали в качестве ищеек – для поиска тех, кто не хотел быть найденным. И этот демон явно кого-то выслеживал.

Ну а Селин выслеживала демона.

Они миновали погруженные в сон дворы Лувра. Тварь была ранена, истекала ихором, но явно не искала темный уголок, чтобы зализать ее. Гигантские клешни щелкали по брусчатке. На каждом углу демон медлил, выбирая, куда двинуться дальше. Хищник искал жертву.

В арке у начала Моста Искусств он остановился. Небольшой пешеходный мост одним прыжком перелетал через Сену, весь увешанный любовными замочками. Считалось, что если двое повесят замок на его перила, их любовь будет длиться вечно. Сейчас на мосту почти никого не было – только одна парочка сплелась в объятиях, стоя на самой середине. Совершенно не подозревая, что во тьме к ним крадется шакс, в радостном предвкушении щелкая жвалами.

У Селин при себе всегда был кинжал-мизерикорд. Его узкое лезвие – как раз то что нужно, чтобы пробить панцирь насекомообразного демона.

Так она, во всяком случае, надеялась.

– Гадриил, – прошептала она, назвав ангельский клинок по имени.

Селин скользнула за спину шакса, молчаливая и неотвратимая, как он сам. Не только демоны умеют быть хищными. Уверенным плавным движением она вогнала мизерикорд в броню и тут же погрузила клинок в открывшуюся рану.

Демон растворился в воздухе.

Все произошло так быстро и тихо, что парочка на мосту даже не разомкнула объятий. Слишком занята друг другом, чтобы осознать, что едва не стала поздней трапезой голодного инсектоида. Селин помедлила, пытаясь представить, каково это – стоять вот так на мосту с тем, кто тебя любит, кто утонул в твоих глазах и не заметит и конца света.

Увы, ее воображение подало в отставку. Горькая реальность окружала Селин со всех сторон. Пока Стивен не замечал ее, она могла сколько угодно фантазировать, что бы случилось, если бы он вдруг обратил на нее внимание. Теперь она знала. И притвориться, что не знает, уже не получится.

Селин вытерла клинок, убрала в ножны и подкралась поближе к парочке, чтобы послушать, о чем они говорят. Гламор надежно скрывал ее от посторонних глаз. Что говорят мужчины возлюбленным, когда думают, что их никто не слышит? Если будешь ждать, пока кто-нибудь скажет это тебе, рискуешь так никогда и не узнать.

– Не хочу заострять на этом внимание, но я предупреждала, что так и будет, – говорила женщина. – Однако...

– Кто знал, что он так легко поверит колдунье?

– А кто знал, что в это вообще можно поверить: ты – и вдруг давно потерянный наследник благородного Охотничьего рода? – Она рассмеялась. – Ну, вообще-то я знала. Да в глубине души ты и сам верил, что все получится. Просто сам этого не хотел.

– Разумеется, не хотел. – Он нежно коснулся ее щеки. – Терпеть этого не могу. Не хочу бросать тебя здесь.

– Это ненадолго. И так будет лучше, Джек, я обещаю.

– Приедешь ко мне в Лос-Анджелес, как только все утрясется? Клянешься?

– Да, встретимся на Сумеречном базаре. На нашем старом месте. Клянусь. Как только я буду уверена, что нас никто не ищет.

Она поцеловала его, и целовала долго и крепко. На пальце прижатой к его щеке руки Селин заметила блеск обручального кольца.

– Розмари...

– Не хочу, чтобы ты даже близко к ним подходил. Они опасны.

– А для тебя?

– Сам знаешь, что я права.

Мужчина опустил голову, сунул руки в карманы тренча. Плащ выглядел дорого, но слева на нем была здоровенная дыра.

– Ага.

– Готов?

Он кивнул.

Она вытащила из сумки бутылочку.

– Эта штука лучше работает, если все делать по правилам.

Она протянула ее мужу. Тот вытащил пробку, проглотил содержимое и выбросил бутылочку в реку. А потом схватился за лицо руками и закричал.

Селин испугалась. Она не должна была вмешиваться, но разве можно просто стоять и смотреть, как женщина хладнокровно убивает своего му...

– Джек, Джек, все в порядке! С тобой все в порядке!

Она обвилась вокруг него, а он стонал и содрогался, но вскоре затих в ее объятиях.

– Кажется, сработало, – глухо пробормотал он.

Когда они, наконец, разомкнули объятия, Селин ахнула. Даже в тусклом свете уличных фонарей было видно, что его лицо изменилось. Только что перед ней стоял зеленоглазый блондин с острыми, точеными чертами лица, примерно того же возраста, что и Стивен, и почти такой же красивый. Теперь зелье прибавило ему десять лет и изрезало кожу морщинами, какие появляются лишь от горестей и печалей. Волосы стали цвета грязи, а улыбка искривилась.

– Какой кошмар, – одобрительно сказала женщина, которую звали Розмари, потом поцеловала его еще раз, с той же страстью, словно ничего не случилось. – Теперь иди.

– Уверена?

– Так же, как в том, что я люблю тебя.

Мужчина убежал, растворился в темноте.

– И смени тренч на что-нибудь другое! – крикнула ему вслед Розмари. – Слишком бросается в глаза!

– Ни за что! – донеслось в ответ.

Розмари сползла вниз по перилам и закрыла лицо руками. Поэтому-то она и не заметила, как горгулья у нее за спиной моргнула и повернула к ней каменную морду.

На Мосту Искусств нет горгулий, внезапно вспомнила Селин. Это демон-акейрал, он из крови и плоти, и, судя по всему, очень голоден.

С жутким ревом уродливая тень отделилась от моста, ее громадные кожистые крылья развернулись, вспоров ткань ночи. Распахнув пасть и обнажив острые, как ножи, зубы, она бросилась вперед, намереваясь вцепиться Розмари в горло. Та с удивительной скоростью выхватила меч и нанесла удар. Демон завизжал; когти лязгнули о меч с такой силой, что выбили его из рук девушки. Розмари упала, противник воспользовался этим и, торжествующе зашипев, прыгнул ей на грудь, придавив к мосту тяжелыми крыльями. Клыки почти коснулись плоть.

– Сариэль!

Клинок серафима пронзил шею демона. Тот завопил, повернулся к Селин и даже попытался напасть на нее, но тут его внутренности вывалились наружу. Розмари вскочила, схватила меч и одним ударом снесла твари голову – за секунду до того, как та обратилась в пыль. Розмари снова упала. Из раны на ее плече текла кровь.

Селин знала, как это больно, – и как сильна решимость раненой не показывать боль. Она опустилась на колени рядом с ней. Розмари отшатнулась.

– Дай посмотреть, я могу помочь.

– В жизни не попросила бы Сумеречного охотника о помощи, – с горечью сказала Розмари.

– А ты и не просила. Но все равно – «пожалуйста, не за что».

Розмари вздохнула и осмотрела рану, потрогала ее, поморщилась.

– Ну, раз уж ты здесь, нарисуешь мне ираци?

Ясное дело, она не из простецов. Даже одаренный Зрением простец не смог бы сражаться так, как она. Однако это все равно не значит, что она выдержит ираци. Никто не выдержит, кроме Сумеречного охотника.

– Слушай, времени объяснять нет, – взорвалась Розмари в ответ на молчание Селин. – И идти в больницу, рассказывать, что меня демон пожевал, я не собираюсь, ясно?

– Раз ты знаешь про ираци, должна знать и то, что вынести ее может только Охотник.

– Я знаю, – Розмари твердо встретила взгляд Селин.

На ней не было руны Ясновидения, но то, как она двигалась, как сражалась...

– Ты уже носила руны раньше? – нерешительно спросила Селин.

– А ты как думаешь? – усмехнулась Розмари.

– Да кто же ты такая?

– Ну, просто я. Так будешь помогать или нет?

Селин достала стило. Нанесение руны не Охотнику означало его вероятную смерть и гарантированные мучения. Она глубоко вдохнула и осторожно

прикоснулась стилем к коже. Розмари испустила вздох облегчения.

– Скажешь, кто послал за тобой шакса? – спросила Селин. – И не он ли поставил рядом акейрала, чтобы довершить начатое?

– Нет. А ты скажешь, почему бродишь тут посреди ночи с таким видом, будто только что утопила в Сене любимую игрушку?

– Нет.

– Вот и ладно. Кстати, спасибо.

– Тот парень, что был тут с тобой...

– Которого ты не видела и о ком ничего никому не скажешь, если не хочешь неприятностей?

– Ты его любишь, и он тебя тоже, да?

– Полагаю, любит, – сказала Розмари. – Меня ищут разные опасные типы, а он сделал все, чтобы они думали, будто ищут его.

– Не понимаю.

– Тебе и не надо. В общем, да. Он меня любит, я люблю его. А что?

– Я просто... – Селин чуть не спросила, как это бывает, что при этом чувствуешь ты сам... Кроме того, ей просто хотелось продлить разговор. Она боялась снова остаться одна на пустынном мосту между рекой и небом. – Я просто хотела убедиться, что о тебе есть кому позаботиться.

– Мы заботимся друг о друге. Так обычно и бывает. Кстати... – она окинула Селин оценивающим взглядом. – Я у тебя в долгу за помощь с демоном и сохранение моей тайны.

– Я не обещала ничего сохра...

– Ты ее сохранишь. А долгов я не люблю, так что позволь оказать тебе услугу.

– Мне ничего не нужно, – сказала Селин, имея в виду: «мне ничего не нужно из того, что могут дать люди».

– Я привыкла держать глаза открытыми, и я знаю, что творится в мире Сумеречных. Тебе нужно гораздо больше, чем ты думаешь. И больше всего тебе нужно держаться подальше от Валентина Моргенштерна.

Селин напряглась.

– Что ты знаешь о Валентине?

– Я знаю, что ты как раз в его вкусе: юная и впечатлительная. И знаю, что доверять ему нельзя. Я смотрю во все глаза, и тебе советую. Он далеко не все тебе говорит, в этом я уверена.

Она посмотрела поверх плеча Селин, ее глаза расширились.

– Кто-то идет. Убирайся отсюда, и поскорее.

Селин обернулась. Безмолвный Брат скользил по Левому берегу, приближаясь к началу моста. Непонятно, тот ли это, с которым она разговаривала на Сумеречном базаре... но рисковать Селин не хотела. Только не после того, что она ему выложила. Слишком это унижительно.

– Запомни, – сурово закончила Розмари, – Валентину доверять нельзя.

– Но с чего мне доверять тебе?

– Ни с чего.

И, не тратя больше слов, Розмари зашагала по мосту навстречу Безмолвному Брату.

Небо начало розоветь. Бесконечная ночь, наконец, уступила дорогу заре.

* * *

Я ожидал найти на мосту твоего мужа... Еще не закончив фразу, Брат Захария уже понял, что говорит неправду.

Он доверился тому, кому верить не следовало. Позволил своим чувствам к Эрондейлам (надежде, что между Карстерсами и Эрондейлами еще осталась какая-то связь, хотя Джек был почти не Эрондейл, а Джем – едва ли Карстерс) затуманить ясность суждения. И теперь все последствия лягут на плечи Джека Кроу.

– Он не придет. Ты больше никогда его не увидишь, Охотник. Так что можешь даже не искать.

Я понимаю, что Сумеречные охотники дали вашей семье все основания не верить им, но...

– Ничего личного. Я вообще никому не верю, – сказала Розмари. – Так я выживаю в этом мире.

Она была груба и упряма. Брат Захария невольно подумал, что она ему нравится.

– Если бы я и решила кому-то поверить, вряд это был бы представитель культа воинствующих фундаменталистов, которые то и дело казнят своих... Но, как я уже говорила, я никому не верю.

Кроме Джека Кроу.

Это больше не его имя.

Как бы он себя ни называл, он все равно останется Эрондейлом.

Она расхохоталась, и в этот миг в ее лице проглянуло что-то знакомое.

Гораздо более знакомое, чем то, что он увидел в Джеке Кроу.

– Охотник, ты знаешь гораздо меньше, чем тебе кажется.

Брат Захария запустил руку в складки мантии и достал купленное на Сумеречном базаре ожерелье. Проданное Джеком Кроу, как ему сказали, без ведома и разрешения жены – так человек мог поступить только с вещью, которая принадлежала не ему. Подвеска посверкивала в свете разгорающейся зари. Захария отметил удивление, которого собеседница не смогла скрыть, и протянул ей украшение.

Она раскрыла ладонь. Он мягко опустил на нее цаплю. Стоило пальцам сомкнуться на подвеске Розмари, что-то глубоко в ее душе словно заняло свое место. Как будто она утратила однажды важную часть своей души, а теперь получила ее назад.

– Голубь? – она подняла бровь.

Цапля. Ты, вероятно, узнала ее?

– С чего бы это?

Потому что я купил ее у твоего мужа.

Губы ее сжались в тонкую суровую линию, она спрятала кулон в кулаке. Волчонок в той лавке сказал правду: Розмари не знала, что ее ожерелье продали.

– Зачем же ты принес его мне?

Она неплохо изобразила безразличие. Интересно, что будет, если потребовать цаплю назад? Наверное, придется драться.

Затем, что у меня такое чувство, будто эта вещь принадлежит тебе. И твоей семье.

Розмари будто окаменела. Брат Захария заметил едва заметное движение руки, готовой инстинктивно схватиться за оружие. О да, у нее были великолепные инстинкты. А также умение властвовать над ними. А еще высокомерие,

изящество, верность, способность к великой любви, и манера смеяться, от которой небо будто озарялось.

Он явился в Париж в поисках потерянного Эрондейла.

И нашел его. Ее.

– Понятия не имею, о чем ты.

Ты – Эрондейл. Не твой муж. Ты. Утраченный наследник благородного рода воителей.

– Я – никто, – отрезала она. – Во всяком случае, для тебя я интереса не представляю.

Я мог бы войти в твой разум и найти там доказательства.

Она отшатнулась. Не нужно было уметь читать мысли, чтобы почувствовать ее панику. Розмари лихорадочно пыталась понять, откуда он все узнал...

Но я не собираюсь проникать в твои тайны. Просто хочу помочь тебе.

– Родители рассказали мне все, что следует знать о Сумеречных охотниках, – прошипела она, и Брат Захария понял, что это почти признание. – Ваш славный маленький Конклав... Ваш Закон...

Последнее слово она выплюнула, будто яд.

Я здесь не как представитель Конклава. Они не знают, что я тебя ищу. Или что ты вообще существуешь. У меня свои причины тебя защищать.

– И какие же?

Я не вторгаюсь в твои тайны и прошу, чтобы ты не вторгалась в мои. Тебе достаточно знать, что я в большом долгу перед твоей семьей. Узы, связывающие меня с Эрондейлами, прочнее уз крови.

– Очень мило с твоей стороны, но никто не просил тебя платить долги, – возразила Розмари. – Мы с Джеком прекрасно справляемся. Заботимся друг о друге и намерены делать это и впредь.

С твоей стороны это было умно – заставить меня думать, будто я ищу его, но...

– Это было умно со стороны Джека. Люди его недооценивают. А потом расплачиваются за это.

...но если я узнал, кто ты, это могли сделать и другие. А они куда опаснее, чем ты думаешь.

– Другие, о которых ты говоришь, зарезали моих родителей, – сказала она с непроницаемым выражением лица. – Мы с Джеком уже долгие годы в бегах. Поверь, я очень хорошо знаю, насколько они опасны. И так же хорошо знаю, как опасно доверять незнакомцам, даже таким – со способностями ниндзя и альтернативным представлением о моде.

В Безмолвном Братстве Захария научился силе принятия. Иногда признать, что битва проиграна и ты побежден, – куда более сильный ход. К тому же он дает возможность подготовиться к следующему сражению.

Хотя у нас тут даже не битва, напомнил он себе. Завоевать доверие другого невозможно – только заслужить.

На твоей цапле теперь чары. Если столкнешься с бедой, с которой не сумеешь справиться сама, позови меня, я приду.

– Если ты думаешь, что сможешь выследить нас с помощью этой штуки...

Твой муж сказал, что единственный способ заслужить доверие – довериться самому. Я не буду пытаться тебя найти, если ты не хочешь быть найденной. Но ты всегда сможешь найти меня. И я верю, что ты позовешь на помощь, когда – и если! – возникнет нужда. А ты верь, что я отвечу.

– Кто ты такой?

Можешь называть меня Брат Захария.

– Могу, но если я действительно попаду в ситуацию, когда мне, чтобы спасти жизнь, придется обратиться за помощью к какому-то воинственному монаху, я бы предпочла знать его настоящее имя.

Когда-то я...

Как же давно это было. Он, казалось, уже почти не имел прав на это имя. И однако в том, чтобы произнести его вслух, было какое-то глубокое, почти человеческое удовольствие.

Когда-то меня звали Джеймс Карстерс. Джем.

– И кого же позовешь на помощь ты, Джем, если не сумеешь справиться с опасностью в одиночку?

Она застегнула цепочку на шее. У Захарии отлегло от сердца. Хотя бы эта задача выполнена.

Я не думаю, что это возможно.

– Значит, ты недостаточно внимателен.

Она коснулась его плеча – неожиданно, и с неожиданной мягкостью.

– Спасибо, что попытался. Хорошее начало.

И вот она уже уходит прочь...

Брат Захария смотрел, как под мостом медленно течет вода, и думал про другой мост в другом городе, куда он возвращался раз в год, – чтобы вспомнить человека, которым когда-то был, и мечты, которые у него были.

На дальнем конце Моста Искусств юный уличный музыкант открыл футляр, достал скрипку и поднес к плечу. Мгновение Захария думал, что ему все это

кажется, будто он сам вызвал фантазию о своем прошлом «я». Однако подойдя ближе (удержаться он не смог), он понял, что музыкант – девушка. Совсем юная, лет четырнадцати или пятнадцати, волосы убраны под кепку, белая блузка, аккуратный старомодный галстук-бабочка.

Она коснулась струн смычком и принялась играть какую-то завораживающую мелодию. Брат Захария узнал ее: скрипичный концерт Бартока, написанный немало времени спустя, после того как Джем Карстерс бросил играть.

Безмолвные Братья не играют на музыкальных инструментах, не исполняют музыку. Они ее и не слушают – по крайней мере, обычным образом. Но даже при том, что все их чувства надежно изолированы от земных наслаждений, они все равно слышат.

И Джем тоже слышал.

Он был скрыт гламором, и скрипачка думала, что она одна. Никто не слушал ее, никто не собирался платить. Так что играла она не ради пары монеток, а для собственного удовольствия. Она смотрела на реку и небо, и ее песня приветствовала восходящее солнце.

Джем вспомнил давление подбородника, струны под пальцами левой руки, танец смычка. И возникающее иногда ощущение, будто это музыка играет им самим.

В Безмолвном Городе не было музыки. И солнца тоже не было, и зари. Только тьма и покой.

Париж купался в чувствах, упивался ими – еда, вино, искусство, любовь... Все вокруг напоминало о том, что он потерял, об удовольствиях, которые ему больше не принадлежат. Он научился с этим жить. Здесь это было труднее, но все равно возможно.

Но было кое-что еще.

Вернее, ничто, которое он ощущал, слушая пение скрипки, глядя, как танцует по струнам смычок. Бездна в его душе, наполненная лишь отзвуками прошлого и

заставлявшая его чувствовать себя совершенно и отчаянно не-человеком.

Он чувствовал тоску. Желание по-настоящему слышать, хотеть, чувствовать! И поэтому был почти жив.

Вернись домой, – прошептали Братья у него в голове. – Пора.

С годами Брат Захария научился контролю. Он научился, если было нужно, закрываться от голосов Братьев. Странная штука это Братство. Вроде бы монашество – это одинокая жизнь... В некотором роде она и была одинокой. Но ему никогда не удавалось по-настоящему остаться одному. Братство все время было рядом, на самом краю восприятия – оно наблюдало, выжидало. Стоит только протянуть руку, и Братство заберет тебя назад.

Скоро, – пообещал он им. – Но не сейчас. У меня еще есть здесь дела.

Большая его часть принадлежала Братству. Но все же он был Братом меньше, чем остальные. Он обитал в странной пограничной зоне, позволявшей сохранить ему немного личной жизни. И стремление к ней, о котором остальные Братья давно забыли. Захария на мгновение закрылся от них. Он чувствовал горькое сожаление из-за провала миссии... Но это было так хорошо, так по-человечески – чувствовать сожаление, и он хотел немного насладиться этим чувством. Сам, в одиночестве.

Или не в таком уж одиночестве.

Прежде чем вернуться в Безмолвный Город, нужно было сделать еще одно дело. Ему предстояло поговорить с человеком, которому Эрондейлы тоже были глубоко небезразличны.

Ему нужна была Тесса.

* * *

Селин совершенно не собиралась врываться к Валентину – это было бы сущее безумие. Но она почти сутки блуждала по городу, и сейчас слишком хотела спать, чтобы ясно понимать, что ей нужно. Она просто повиновалась порыву. В

присутствии Валентина на нее всегда нисходила ясность – вот в ней-то она сейчас и нуждалась. Валентин всегда умел заставить ее поверить. Не только в него, но и в саму себя.

После той странной встречи на мосту она хотела вернуться в штаб-квартиру в Маре. Стивен и Роберт наверняка оценили бы новость о неожиданной активизации демонов и о бродячей Охотнице, которая сеет беспорядки и клеветает на Круг.

Но сейчас она просто не могла их видеть. Пусть волнуются и гадают, что с ней. Или не волнуются. Уже наплевать.

По крайней мере, она очень старалась, чтобы ей было наплевать.

День она провела в Лувре – бродила по галереям, куда туристы обычно не заглядывают, среди старых этрусских масок и месопотамских монет. В юные годы она торчала тут часами, мешаясь с толпами школьников. Когда ты ребенок, так легко становиться невидимкой!

Куда сложнее сделать так, чтобы тебя увидели. Теперь Селин это хорошо понимала. И выдержать оценивающие взгляды, когда это произойдет.

Она никак не могла выкинуть из головы ту парочку на мосту – то, как они пожирали друг друга глазами, как прикасались друг к другу... так нежно и в то же время жадно. И еще она не могла забыть, что та женщина сказала о Валентине.

Нет! Селин была уверена, что Валентину можно доверить даже жизнь. Но если она так ошибалась насчет Стивена, как можно быть уверенной хоть в чем-то?

Валентин занимал роскошные апартаменты в Шестом округе, через улицу от знаменитого шоколатье и не менее знаменитого магазина, где шляпы на заказ стоили больше, чем люди платят в месяц за жилье.

Селин громко постучала. Никто не ответил.

Вскрыть замок оказалось нетрудно.

Я вломилась в квартиру Валентина Моргенштерна, – удивленно подумала она. Происходящее казалось ей не вполне реальным.

Обстановка была изящной и почти по-королевски роскошной: стены в золотых геральдических лилиях, мебель с бархатной обивкой, пушистые ковры на блестящем паркете, свет приглушен тяжелыми золотыми шторами.

Единственным анахронизмом тут был, пожалуй, большой стеклянный ящик посреди гостиной, в котором, связанная и избитая до бесчувствия, лежала Доминик дю Фруа.

Не успела Селин сообразить, что делать дальше, как в двери загремел ключ. Ручка повернулась. Селин нырнула за штору и замерла, почти не дыша. Она не видела, как Валентин меряет гостиную шагами, зато прекрасно все слышала.

– Просыпайся! – рявкнул он.

Пауза, шорох, крик боли.

– Халфасы?! – спросил он наполовину весело, наполовину сердито. – Ты серьезно?

– Ты сам сказал, все должно выглядеть очень реально, – простонала Доминик.

– Вот именно: выглядеть, я сказал! А ты подвергла их настоящей опасности.

– А еще ты сказал, что заплатишь, а теперь я валяюсь в какой-то клетке! С пустыми, между прочим, карманами и парой совершенно ненужных мне шишек на голове.

Валентин тяжело вздохнул, словно кто-то бессовестно тратил его драгоценное время.

– Ты сказала им все, как мы договаривались? И подписала признание?

– Эти мелкие паразиты так тебе и сказали, когда притащили меня сюда. Так что там с платой за мои услуги? И забудем обо всем этом.

– Охотно.

Послышался странный звук, Селин не смогла понять, что это было. А за ним последовал запах, который она узнала сразу. Запах горелой плоти.

Валентин кашлянул.

– Селин, теперь можешь выйти.

Она окаменела. Забыла, как дышать.

– Что-то не очень хорошо у нас с маскировкой в последнее время, да? Давай, покажись уже! – Он резко хлопнул в ладоши, словно подзывая собачонку. – Хватит играть.

Селин вышла из-за шторы, чувствуя себя полной идиоткой.

– Ты знал, что я там? Все это время?

– Ты удивишься, сколько всего я знаю, – холодно улыбнулся Валентин.

Одет он был, как всегда, в черное, отчего его белые волосы словно горели бледным огнем. Если говорить о стандартах красоты, Валентин был не менее красив, чем Стивен, подумала Селин, вот только к нему эти стандарты были неприменимы. Он был красив, как статуя, высеченная из камня, и подобно камню же неуязвим. Еще в Академии Селин иногда наблюдала за ним и Джослин. И за тем, как одно ее прикосновение могло растопить этот лед. Однажды она даже набрела на них, когда они обнимались, и некоторое время, спрятавшись в тени, смотрела, как они тают друг в друге. Когда их губы, наконец, разомкнулись, Валентин так нежно погладил Джослин по щеке... И выражение, с которым он смотрел на свою первую и единственную любовь, было почти человеческим.

В теперешнем Валентине от этого выражения не осталось ни следа. Он широко раскрыл руки, словно приглашая Селин чувствовать себя как дома в этой роскошной гостиной. Ящик в центре комнаты был пуст, только на дне дымилась кучка черных кружев и кожи. Доминик дю Фруа исчезла.

Валентин проследил за ее взглядом.

– Она была преступницей, – спокойно сказал он. – Я просто привел неизбежный приговор в исполнение.

О Валентине давно уже ходили слухи – о тех переменах, что произошли с ним, когда погиб его отец. Нехорошие, темные слухи о том, как жесток он был с теми жителями Нижнего мира, кто не желал знать свое место, да и вообще с любым, кто становился ему поперек дороги. Со всяким, кто осмеливался ставить под сомнение его...

– Ты выглядишь взволнованной, Селин. Я бы даже сказал, испуганной.

– Нет, – тут же ответила она.

– Как будто думаешь, что проникновение в мои частные апартаменты и шпионаж могут повлечь за собой какие-то дурные последствия.

– Я не шпионила, я просто...

Он улыбнулся ей – так приветливо и лучезарно, что ей тут же стало стыдно за свой глупый страх.

– Хочешь чаю? И немного печенья? Ты выглядишь так, словно год ничего не ела.

Он накрыл на стол: не только чай и печенье, но и свежий багет, нарезанный кусками, и козий сыр, и горшочек меда, и блюдце голубики, выглядевшей так, будто ее только что сорвали с куста. Селин и не догадывалась, что хочет есть, пока вкус меда не обжег ей язык. О да, она голодна, да еще как!

Некоторое время они вели обычную для Парижа светскую беседу: любимые кафе, лучшие места для пикника, где лучше покупать крепы, а также сравнительные достоинства музеев Орсе и Помпиду. Через некоторое время, откусив большой кусок багета с сыром, Валентин сказал:

– Ты, конечно, в курсе, что другие считают тебя слабой и не слишком умной? – голос его при этом звучал почти весело.

Селин чуть не подавилась голубикой.

– Если бы я прислушивался к мнению большинства в Круге, тебя бы тут уже не было. К счастью, у нас не демократия. Они думают, что знают тебя, Селин, а на самом это и близко не так, правда?

Она медленно покачала головой. Нет, никто ее не знал.

– Но я в тебя верил. Я доверял тебе. И за это доверие ты отплатила мне подозрениями?

– Нет, на самом деле я...

– Конечно же, ты меня не подозревала. Просто решила нанести визит вежливости. Спрятавшись за занавесками. Пока меня не было дома.

– О'кей. Oui. Я тебя подозревала.

– Видишь? А ты умна! – И снова эта улыбка, словно она сделала именно то, чего он хотел. – И что же ты узнала обо мне в результате своего бесстрашного расследования?

Притворяться было бессмысленно. Да и любопытство Селин было едва ли не сильнее ее страха. Поэтому она сказала правду. Как сама ее понимала.

– Доминик дю Фруа не вела дел ни с какими двумя Охотниками. Она вела дела с тобой. Ты под кого-то копаешь и используешь для этого нас.

– Нас?

– Меня, Роберта, Стивена.

– Роберта и Стивена – да. Их я действительно использую. Но тебя... Ты же здесь, не так ли? И видишь всю историю целиком.

– Я?

– Ну, если хочешь...

Родители Селин не читали ей сказок на ночь. Зато она сама прочитала их великое множество и очень рано усвоила главное правило: будь осторожен со своими желаниями. И как любой Сумеречный охотник она знала еще одно: в любой сказке есть доля правды.

– Я хочу знать, – сказала она.

И Валентин рассказал. Селин оказалась права, он действительно копал под двух Охотников, которые были не виноваты в преступлениях, которые им приписывали, зато виноваты кое в чем похуже – в том, что встали на пути Круга.

– Они слепо верны традициям и виноваты в том, что коррупция поразила Конклав. К тому же, они хотят уничтожить меня. Так что мне пришлось вмешаться.

Да, он прибегнул к помощи чародейки, чтобы получить улики, а теперь использует Стивена и Роберта в качестве свидетелей ее признания.

– Так как сама она, к сожалению, свидетельствовать уже не может.

– А как же Меч Смерти? – спросила Селин. – Тебя не волнует, что случится, когда обвиняемых допросят?

Валентин неодобрительно поцокал языком. Видимо, был недоволен тем, что она не сделала единственно правильный вывод.

– К несчастью, так далеко дело не пойдет. Мне известно, что по дороге в Безмолвный Город эти двое Сумеречных охотников предпримут попытку к бегству и погибнут в последовавшей за этим неразберихе. Трагический финал.

Слова тяжело упали между ними. Селин пыталась понять... Валентин собирался не просто подставить Сумеречных охотников – ни в чем не виноватых Сумеречных охотников, – но и хладнокровно убить их. Немыслимое преступление, за которое Закон карает смертью.

– Зачем ты все это мне рассказываешь? – спросила она, стараясь, чтобы ее голос не дрожал. – И почему ты думаешь, что я тебя не выдам? Или...

Или он не собирается отпустить ее живой.

Человек, способный хладнокровно убить двух Сумеречных охотников, не остановится перед убийством третьего. Внутренний голос кричал, что нужно вскочить, выхватить оружие, с боем пробить себе путь на свободу, помчаться напрямик в Парижский Институт и рассказать им все. Остановить это – остановить его, – пока не стало слишком поздно. Валентин спокойно смотрел на нее, положив руки на стол. Словно говорил: «Теперь твой ход».

Она не двинулась с места.

Семейство Верлак, заправлявшее здешним Институтом, дружило с ее родителями. Не раз и не два один из них находил ее, когда она пускалась в бега, и отправлял домой. В первый раз она умоляла дать ей убежище в Институте, где любому Охотнику гарантируется надежное и безопасное пристанище, – и услышала в ответ, что слишком юна, чтобы просить об этом. И слишком юна, чтобы понимать, что такое безопасность. Родители любят ее, и ей давно пора прекратить доставлять им столько проблем.

Нет, этим людям она ничем не обязана.

А вот Валентин выделил ее из толпы, дал ей дело, дал семью. Ему она обязана всем.

Он наклонился к ней, протянул руку. Она постаралась не вздрогнуть. Он легко коснулся шеи, там где демон-акейрал оцарапал ее.

– Ты ранена.

– Пустяки, – сказала она.

– И хромаешь.

– Я в полном порядке.

– Тебе нужна еще одна ираци...

– Я в порядке.

Он кивнул, словно она только что подтвердила его подозрения.

– Да. Ты всегда выбирала этот путь.

– Какой?

– Через боль.

На этот раз Селин все-таки вздрогнула.

– Неправда, – запротестовала она. – Это... ненормально.

– А ты знаешь, почему это так? Почему ты ищешь боли?

Этого она никогда не понимала. Только знала – глубоко, без слов, как знают самую сокровенную правду.

Что-то было такое в боли... что заставляло ее чувствовать себя более цельной, настоящей. Как будто контроль все еще оставался у нее. Иногда боль была единственным, что она еще могла контролировать.

– Ты ищешь боли, потому что она делает тебя сильнее, – сказал Валентин, будто нарекая новым именем ее безымянную душу. – Знаешь, почему я понимаю тебя лучше, чем они? Потому что мы с тобой одинаковые. Мы рано начали учиться, правда? Жестокость, грубость, боль – никто не защищал нас от правды жизни, и это сделало нас сильными. Большинство людей управляет страх. Они бегут даже от намека на боль, и становятся из-за этого слабыми. Мы же с тобой, Селин, знаем, что единственный способ пройти через боль – это идти ей навстречу. Приветствовать жестокость мира, и тем самым подчинить ее себе.

Селин никогда не думала о себе так: жесткая и сильная... И уж точно никогда не дерзала сравнивать себя с Валентином. Он продолжил:

– Вот за этим-то ты и нужна мне в Круге. Роберт, Стивен и остальные? Они просто мальчишки. Дети, играющие во взрослые игры. Их пока еще не проверили в деле... Проверят, но не сейчас. А мы с тобой особенные. Мы давно уже не дети.

Никто никогда не называл ее сильной. Никто никогда не называл ее особенной.

– Ситуация развивается все быстрее, – продолжал Валентин. – Мне нужно понимать, кто со мной, а кто нет. Вот поэтому-то и я рассказал тебе правду о нашем, – он махнул рукой в сторону дымящейся кучки тряпья, – положении дел.

– Это проверка, – сказала она. – Проверка на верность.

– Это возможность, – поправил он ее. – Тебе – стать моим доверенным лицом, а мне – вознаградить тебя за доверие. Вот что я предлагаю: ты будешь молчать о том, что узнала, и предоставишь событиям идти так, как я планировал. А я подам тебе Стивена Эрондейла на серебряном блюде.

– Что?! Я... я не...

– Я уже говорил тебе, Селин: я много чего знаю. И я знаю тебя. Я могу дать тебе то, что ты хочешь. Если ты действительно этого хочешь.

Будь осторожен со своими желаниями, – снова пронеслось у нее в голове. Но Стивен... она так хотела получить Стивена! Даже понимая, что он о ней думает; даже помня, как гремит в ушах его насмешливый хохот; даже поверив, что она сильна, а Стивен слаб, как только что сказал Валентин... Даже узнав простую и жестокую истину, что Стивен ее не любит и никогда не полюбит, она все равно желала его. Всегда и вовеки.

– ...или ты можешь сейчас выйти из этой квартиры, побежать в Конклав, рассказать им все, что сочтешь нужным. Спасти этих ни в чем не виноватых Охотников и потерять единственную семью, которой ты по-настоящему небезразлична, – закончил Валентин. – Выбор за тобой.

* * *

Тесса Грей вдыхала город, который когда-то, совсем недолго, – но такие воспоминания из памяти не стираются, – был ей домом. Сколько ночей она стояла на этом самом мосту, глядя на огромную тень Нотр-Дама, на рябь речных волн, на горделивые кружева Эйфелевой башни – на пронзительную красоту Парижа, расплывающуюся от нескончаемых слез. Сколько ночей она искала в Сене свое вечное отражение, представляя себе мгновения, дни, годы, столетия, которые могла бы прожить в мире, где нет Уилла.

Впрочем, нет. Не представляя.

Потому что представить это было невозможно.

И все равно – вот она, Тесса. Прошло уже больше полувека, а она живет. Без него. Сердце навеки разбито, но все еще бьется. Оно все еще сильное.

И способно любить.

Она сбежала в Париж, когда Уилл умер, и оставалась здесь, пока не окрепла достаточно, чтобы взглянуть в лицо будущему. С тех пор она сюда больше не возвращалась. На первый взгляд город ничуть не изменился. Но если так судить, то и она тоже. Не стоит доверять внешности – она никогда не откроет тебе всей правды. И не обязательно уметь изменять облик, чтобы узнать это.

Прости, Тесса. Я нашел ее – и отпустил.

За все эти годы она так и не привыкла. Не привыкла к холодному голосу Джема, звучавшему прямо в голове, – такому близкому и такому далекому. Его рука покоилась на перилах моста в нескольких дюймах от ее руки... Она могла бы коснуться ее. Он не убрал бы руку, только не от ее прикосновения. Но кожа так холодна, так суха... словно камень.

Все в нем теперь точно камень.

– Ты нашел ее. Именно этого мы и хотели. Речь никогда не шла о том, чтобы привести потерянного Эрондейла обратно в мир Сумеречных охотников. Или вместо него выбрать, каким путем ему идти.

Знакомая тяжесть нефритовой подвески на шее, нагретой от прикосновения к коже, была так утешительна. Тесса все еще носила ее – каждый день, не снимая, с тех пор, как Джем подарил ее. Больше века назад...

Он и не знает.

Это правда, но все же... как-то это неправильно. Эрондейл в опасности, а мы ничего не делаем. Боюсь, я не оправдал твоего доверия, Тесса. И его тоже.

Между ней и Джемом всегда был только один «он».

– Мы нашли ее – ради Уилла. Но ты сам знаешь, Уилл хотел бы, чтобы она выбирала сама. Как когда-то выбрал он.

Если бы он все еще был Джемом, она бы обняла его. И ее объятия, дыхание, биение ее сердца убедило бы его в том, что это просто невозможно. Он не может предать ее доверие. Ее или Уилла.

Но он был Джем... и не Джем. Все тот же и бесконечно, неизмеримо другой, и ей оставалось только стоять рядом и с помощью бесполезных слов убеждать, что он сделал все, что мог.

Когда-то он предупредил ее о том, что будет, – о том, как в нем будет оставаться все меньше его и все больше Безмолвного Брата – и пообещал, что трансформация никогда не станет полной. Когда я перестану видеть мир человеческими глазами, я все равно хотя бы отчасти останусь тем Джемом, которого ты знала, – сказал тогда он. – Я буду видеть тебя глазами сердца.

И глядя на него теперь – на его запечатанные глаза и губы, на холодное лицо, вдыхая запах, в котором не было ничего человеческого (так пахнет бумага или камень... то, что никогда не жило и не любило), – она старалась помнить об этом. И верить, что он все еще где-то там, хотя бы часть его. Он видит ее и хочет, чтобы его тоже видели.

С каждым годом становилось все труднее. За долгие десятилетия случались мгновения, когда знакомый ей Джем почти возвращался в мир. Как-то раз, во время одной из бесчисленных войн простецов, они даже украдкой обменялись

поцелуем... и едва не зашли дальше. Но Джем вовремя оттолкнул ее, пока «дальше» не превратилось в «слишком». После этого он отдалился от Тессы, словно боялся того, что может случиться, если он подойдет к самому обрыву. Это объятие, о котором она и поныне думала почти каждый день, случилось больше сорока лет назад. И с каждым годом в Джеме оставалось все меньше от человека. Тесса боялась, что он постепенно забывает себя.

Она не могла его потерять. Только не его тоже.

Она станет его памятью.

Я встретил здесь девушку, – сказал он. – Влюбленную в Эрондейла.

Ей показалось, что в его голосе мелькнула тень улыбки.

– Она тебе кого-то напомнила? – усмехнулась Тесса.

Любовь причиняла ей много страданий. Я очень хотел бы ей помочь.

Как она любила в нем это постоянное желание помочь любому, кто оказался в беде. Даже Безмолвное Братство не сумело уничтожить его.

– Знаешь, я все время приходила на этот мост, когда жила в Париже. После того, как Уилл...

Тут очень спокойно. И очень красиво.

Она хотела сказать, что дело совершенно не в этом. Она приходила сюда не за красотой и покоем, а потому что этот мост напоминал ей мост Блэкфрайерс, принадлежавший только ей и Джему. И стоя здесь, между землей и водой, вцепившись в железные перила, глядя в небо, она вспоминала Джема. Мост говорил ей о том, что в мире еще есть кто-то, кого она любит. И хотя половина ее сердца умерла, вторая все еще жива. Недостижимая, да – но она все еще здесь.

Она хотела сказать ему об этом, но не могла. Это было бы нечестно. Это было бы просьбой отдать то, что тебе не принадлежит... а мир и так уже выпросил у

Джема слишком много.

– Ему была бы ненавистна сама мысль о том, что где-то бродит Эрондейл и думает, что Сумеречным охотникам нельзя доверять. Что теперь злодеями стали мы.

Возможно, он бы понял.

А ведь и правда. Уилла самого учили не доверять Сумеречным охотникам. Он лучше многих знал, как сурово Конклав поступает с теми, кто отворачивается от него. Да он бы в ярость пришел, узнав об утраченной ветви семейства, о том, что Конклав казнил мать и дитя за грехи отца! Тесса страшилась за судьбу потерянной наследницы Эрондейлов, но не менее сильно ей хотелось убедить девушку, что хотя бы кому-то из Охотников еще можно доверять. Что не все они жестоки и бесчувственны... что кто-то из них похож на Уилла.

– Иногда я так злюсь на них. На Охотников, что были до нас, на их ошибки. Подумай, сколько жизней было разрушено из-за того, что натворило старшее поколение.

Да, она думала о Тобиасе Эрондейле, а еще об Акселе Мортмейне, чьих родителей убили у него на глазах, и об Алоизии Старквезере, заплатившем за этот грех жизнью внучки. И даже о своем родном брате, которого отказалась признать собственная мать. Который, возможно, сумел бы стать лучшим человеком, если бы его больше любили.

Несправедливо обвинять прошлое в грехах настоящего. Как и оправдывать нынешний выбор, поминая прошлые грехи. Мы с тобой знаем это лучше многих.

Джем тоже видел, как убивали его родителей. Он прожил жизнь, полную боли, но так и не позволил страданиям сбить себя с пути или обратиться к мести. А Тесса была зачата как орудие демонов, в прямом смысле слова. Она могла бы смириться с этой судьбой. Могла бы оставить Сумеречный мир, вернуться к обычной жизни, которую знала когда-то, и притвориться, что никогда не видела тьмы. А еще она могла войти в эту тьму.

Но она выбрала другой путь.

Они оба выбрали.

У нас всегда есть выбор. – В кои-то веки голос у нее в голове прозвучал как его собственный, теплый и близкий. – Это не всегда то, чего бы мы хотели, но это все равно выбор. Прошрое случается с нами, а будущее мы выбираем сами. Остается только надеяться, что наша потерянная наследница выберет спасение.

– Да, это лучшее, на что можно надеяться.

Ладонь Джема скользнула по перилам и накрыла ее руку. Холодная. Нечеловеческая. Такой она ее и знала.

Но это все равно был Джем – из плоти и крови, бесспорно живой. А где есть жизнь, там есть и надежда. Возможно, не сейчас, пока еще нет, но когда-нибудь у них еще может быть что-то впереди. И она выбрала веру в это.

* * *

Церковь Сен-Жермен-де-Пре была основана в 558 году. Аббатство выстроили на руинах римского храма, а через двести лет разрушили во время норманнской осады. Восстановленная в десятом веке церковь просуществовала, изменяясь, более тысячи лет. В ее крипте покоятся французские короли из династии Меровингов, вырванное из груди сердце польского короля Яна II Казимира и тело (без головы) Рене Декарта.

Обычно по утрам в аббатство стекался нескончаемый ручеек туристов. Бдительные местные служители шныряли вокруг, зажигали свечи и, склонив головы, бормотали молитвы любому, кто готов был слушать. Однако в этот дождливый августовский день объявление на двери гласило, что церковь закрыта для посещений. Внутри заседал Парижский Конклав. Сумеречные охотники со всей Франции в торжественной тишине внимали обвинениям, предъявленным двоим из их числа.

Жюль и Лизетт Монклер стояли потупившись. Роберт Лайтвуд и Стивен Эрондейл свидетельствовали об их преступлениях.

Их дочь Селин Монклер для дачи показаний не вызвали. При допросе колдуньи о беззакониях ее родителей она, разумеется, тоже не присутствовала.

Пьеса ни на шаг не отступала от сценария Валентина. Как и все остальные ее участники, Селин сделала именно то, что была должна, – то есть ничего.

В ее душе шла борьба. Она злилась на Валентина за то, что он заставил ее участвовать в травле родителей. Злилась на себя за то, что молчала, пока решалась их судьба. Еще больше злилась на себя за бессознательное желание проявить милосердие. Родители ведь никогда ее не жалели. Наоборот, они сделали все возможное, чтобы вдолбить ей: милосердие – слабость, жестокость – сила. Теперь она стала закаленной и сильной. Ничего личного, она просто защищает Круг. Если Валентин верит, что этот путь правильный, значит, он единственно возможный.

Она смотрела, как мать и отец корчатся от страха под стальным взглядом Инквизитора, и вспоминала, как они уходили прочь, не обращая внимания на ее крики и плач, закрывали дверь и оставляли ее в темноте. Молчала. Тихо сидела, опустив голову, и ждала. Этому они ее тоже научили.

Все французские Сумеречные охотники знали Селин... или думали, что знают. Милая, послушная провинциальная девочка из Прованса. Они знали, как она предана родителям. Такая добропорядочная дочь... Разумеется, унаследует все их немалое состояние.

Селин с достоинством терпела любопытные взгляды. Жалости она не замечала. Когда был вынесен приговор, она смотрела в пол и потому не видела, как по лицам родителей разлился ужас. Не видела, как их передали Безмолвным Братьям для отправки в Город Костей. Вряд ли они проживут достаточно долго, чтобы встретиться с Мечом Смерти.

Она не заговорила с Робертом и Стивеном – пусть думают, что причина в том, что они обрекли на смерть ее родителей.

Валентин нагнал Селин на ступенях церкви, протянул ей креп с «Нутеллой».

– Из киоска напротив «Les Deux Magots»[12 - «Les Deux Magots» («Два китайских болванчика», фр.) – знаменитое историческое кафе в парижском квартале Сен-

Жермен-де-Пре.], – сказал он. – Твой любимый, да?

Она пожала плечами, но взяла. Первый укус – горячий шоколад, орех, сладкое тесто – был, как всегда, идеален. Она снова почувствовала себя ребенком.

Хотя иногда трудно поверить, что ты когда-то была молода.

– Мог бы и сказать мне.

– И испортить весь сюрприз?

– Это все-таки мои родители.

– Вот именно.

– Ты их убил.

– Насколько мне известно, они все еще живы, – заметил Валентин. – И могли бы и дальше оставаться живыми, скажи ты только слово. Но я почему-то его не услышал.

– Ты очень рисковал, не рассказав мне всего. Ты был так уверен, я позволю тебе их... убрать?

– Правда? А может, я просто хорошо тебя знаю? Достаточно хорошо, чтобы понимать, как ты поступишь. Я оказываю тебе услугу.

Их взгляды встретились. Она не смогла отвести глаз. И впервые в жизни не хотела.

– Тебе не обязательно признаваться себе в этом, Селин. Просто имей в виду, что я все знаю. Ты не одна.

Он увидел ее. Он понял. Словно мускул, сведенный в судороге всю ее жизнь, вдруг расслабился.

– Однако сделка есть сделка, – продолжал Валентин. – Даже если ты получила больше, чем думала. Стивен твой. Если ты этого действительно хочешь.

– И как ты намерен это проверить? – Впрочем, теперь она уже понимала, на что способен Валентин. – Ты же... ты же не станешь его мучить?

Валентин бросил на нее разочарованный взгляд.

– Стивен – мой ближайший друг и доверенное лицо. Этот вопрос ставит под сомнение твою верность мне, Селин. Хочешь, чтобы я в ней усомнился?

Она покачала головой.

И снова его лицо озарилось теплой, дружеской... немного масляной улыбкой. Селин не знала, настоящий ли это Валентин прорывается сквозь маску, или, напротив, маска вновь скрыла его черты.

– Хотя с твоей стороны было бы глупо не спросить. А, как мы уже говорили, глупости в тебе нет, что бы там люди ни думали. Итак, я отвечу: нет. Клянусь Ангелом, я не причиню Стивену никакого вреда, исполняя наш с тобой договор.

– И никаких угроз?

– Неужели ты так плохо о себе думаешь? Неужели ты полагаешь, что мужчину можно заставить полюбить тебя исключительно угрозами?

Она не ответила. Да и зачем? Ответ крупными буквами был написан у нее на лице.

– Стивен связался не с той женщиной, – сказал Валентин почти мягко. – И в глубине души сам об этом догадывается. Я просто сделаю так, чтобы он понял это так же ясно, как мы. Остальное будет не труднее, чем упасть со скалы. Расслабься, и пусть сила притяжения сделает свое дело. Не бойся протянуть руку за тем, чего ты действительно хочешь, Селин. Будь выше страха.

Чего она действительно хочет...

Еще не поздно сказать то самое слово, спасти родителей.

Или оставить слово несказанным, а тайну – нераскрытой. Теперь родители заплатят за все, что с ней сделали. За решетку шрамов у нее на спине и на сердце. За лед у нее в крови. И если она стала дочерью, способной отправить мать и отца на смерть, винить в этом можно только их.

Но это не значит, что она должна соглашаться на остальную сделку. Даже промолчав, она все равно может уйти – прочь от Валентина, особенно теперь, зная, на что он способен. Прочь от Стивена – зная, что он о ней думает. Закрывать дверь в прошлое, начать сначала. Выбрать жизнь без боли, мучений и страха...

Но кем она будет без боли?

И что такое сила, если не борьба с муками?

Нет ничего мучительнее отвергнутой любви, – говорил тот странный Безмолвный Брат. – Любовь, не знающая награды. Не могу представить себе ничего больнее.

Раз Валентин сказал, что может подарить ей Стивена Эрондейла, значит, он действительно может. В этом Селин не сомневалась. Он был способен на все – в том числе и найти способ толкнуть Стивена в ее объятия. Но даже Валентин не сумеет заставить Стивена полюбить ее.

Она получит его, но он никогда не будет ей принадлежать. Каждое мгновение, в каждом поцелуе она будет помнить, что он хочет не ее, а кого-то другого. И это будет целая жизнь, проведенная в тоске по тому, что недоступно. Недостижимо.

Тот Безмолвный Брат был мудр и сказал чистую правду. Нет боли мучительнее этой.

– Не торопись, подумай, – сказал Валентин. – Это все-таки серьезный выбор.

– Мне не нужно время, – сказала она. – Я согласна. Я хочу Стивена.

Никакой это был не выбор. Выбора у нее не было.

Кассандра Клэр, Робин Вассерман

Земля, которую я потерял

Нью-Йорк, 2012 год

Вечерело, но на сером городском небе звезд пока не было видно. Алек Лайтвуд еще спал. Всю ночь они с парабатаем сражались с демонами-краучерами. Джейс Эрондейл, пользовавшийся у нефилимов славой стратега, оценил их количество так: «ну, примерно дюжина», хотя на самом деле их было тридцать семь. Алек потом обошел поле битвы и сосчитал – из вредности.

– Иди отдохни, Засыпающая красавица, – сказал ему Магнус. – Мне нужно заняться зельем, а у Макса по расписанию вечернее искушение.

Алек проснулся среди сбившихся в ком простыней из лавандового и зеленого шелка. Под дверью спальни мелькали жутковатые серебристые отблески. Пахло серой, шипел демон, откуда-то доносились любимые голоса.

Алек улыбнулся в подушку.

И вот в тот самый миг, когда он собирался встать, на стене проступили огненные письмена:

Алек, нам нужна твоя помощь. Много лет мы искали одно попавшее в беду семейство и пытались выяснить причины их невзгод. Кажется, нам удалось напасть на их след на Сумеречном базаре в Буэнос-Айресе.

Отношения между Охотниками и жителями Нижнего мира в этом городе крайне непростые. Базар охраняют круче, чем тронный зал. Им управляет женщина-вервольф, так называемая Королевы Базара. Она объявила, что доступ в ее владения запрещен всем, кто хоть как-то связан с нефилимами, Всем до единого

– кроме Александра Лайтвуда, который ей, как она утверждает, нужен. Нам необходимо попасть на Базар. На кону стоят человеческие жизни.

Ты откроешь нам дверь? Ты придешь?

Джем и Тесса

Алек долго смотрел на послание, потом вздохнул, подобрал с пола свитер и, все еще полусонный, вышел из спальни.

В главном зале Магнус, небрежно облокотившись о каминную доску и прищурив зелено-золотые глаза, переливал бирюзовую жидкость из флакона в банку с черным порошком. Потертый пол из темных досок и шелковый ковер ровным слоем были засыпаны игрушками Макса, их приемного сына. Сам Макс тоже восседал на ковре в матросском костюмчике с темно-синими ленточками под цвет волос. В объятиях он сжимал Председателя Мяо.

– Ты мой мяу-друг! – торжественно сообщил он Председателю и сдал его еще сильнее.

– Мяу! – горестно отозвался Председатель.

С тех пор, как Макс научился ходить, жизнь кота превратилась в настоящий ад.

Пентаграмма была начертана на безопасном расстоянии от ковра. Внутри клубились серебристый свет и туман, окутывая ее обитателя мерцающей дымкой. Длинная тень демона извивалась по зеленым обоям и галерее семейных фотографий.

Магнус поднял бровь.

– Полегче там, – бросил он в сторону пентаграммы. – А то выглядит так, будто увлеченным подросткам удалось раздобыть дымовую машину для школьного спектакля «Адская Оклахома!»[13 - Отсылка к мюзиклу «Оклахома!» (1943), который считается первым мюзиклом в современном понимании. Его часто ставят в школьных театрах США.].

Алек улыбнулся. Серебристый туман рассеялся, и в центре пентаграммы показался демон Элийас с угрюмо обвисшими щупальцами.

– Дитя, – зашипел он Макс, – тебе неведомо, из какого темного рода ты приходишь! Ты от природы склонен к злу! Присоединись ко мне, адский найденый, в моих блаженствах, и вместе мы...

– Мой бапа – Ультра Магнус, – с гордостью сообщил тот. – А папочка – Сумеречный Ахотник.

Имя «Ультра Магнус» он позаимствовал у одного из своих трансформеров, но Магнусу это, кажется, понравилось.

– Не перебивай, когда я обещаю тебе темные демонические удовольствия! – обиделся демон. – Почему ты меня все время перебиваешь?

На слове «демонические» Макс просиял.

– Дядя Джейс говорит, мы поубиваем всех деминов! – восторженно заявил он. – Всех деминов!

– А тебе не приходило в голову, что твой дядя Джейс – очень грубый и невоспитанный человек? – осведомился демон. – Все время всех обижает, говорит гадости, сарказм еще этот...

– Люблю дядю Джейса, – нахмурился ребенок. – Ненавижу деминов!

Свободной рукой Магнус подцепил маркер и нарисовал еще одну чернилку на белой офисной доске в доказательство того, что Макс и сегодня успешно сопротивлялся демоническим соблазнам. Десять черничек, и ребенок получит награду – какую захочет.

Алек подошел к Магнусу, изучавшему доску, и аккуратно – поскольку тот все еще держал в руке булькающий сосуд – обвил руками его талию, соединив пальцы на чеканной пряжке ремня. Футболка Магнуса оказалась с впечатляющим вырезом, и Алек уткнулся носом в гладкую обнаженную кожу и вдохнул запах сандала и ингредиентов зелья.

– Привет, – пробормотал он.

Магнус протянул назад свободную руку, кольца на ней слегка зацепили волосы Алека.

– Сам привет. Не спится?

– Я спал. Слушай, у нас новости.

Он рассказал о послании Джема Карстерса и Тессы Грей. О семье, которую они искали, о Базаре, куда не могли попасть без его помощи. Он говорил, а Магнус тихо вздохнул и прислонился к его груди – эти легкие бессознательные движения значили для Алека очень много. Каждый раз он вспоминал тот далекий день, когда впервые коснулся Магнуса, привлек к себе и поцеловал – другого мужчину, выше чем он сам, и тело его было таким стройным и гибким и таким близким. Тогда он еще подумал, что головокружение, облегчение и радость, которые он испытал, – все это просто оттого, что он, наконец прикасается к человеку, чьих прикосновений жаждет сам... хотя думал, что на его долю такого уже никогда не выпадет. Теперь он знал, что все дело было в Магнусе, – и даже тогда он все понимал или хотя бы догадывался. Сейчас этот жест напомнил ему о всех днях, прошедших с тех пор, – о днях, которые они провели вместе.

Ощувив, как расслабился Магнус, он почувствовал, что и сам может выдохнуть.

Для чего бы он ни понадобился Джему и Тессе, он вполне может сделать это. Помочь. А потом вернуться домой.

Когда Алек замолчал, Председатель Мяо рванулся навстречу свободе из любящего захвата Макса. Метнувшись через комнату, он выскочил в дверь, которую Алек оставил открытой, и исчез в спальне, собираясь провести остаток ночи под кроватью. Макс проводил его печальным взглядом, потом встал и улыбнулся, показав ряд крошечных зубов, похожих на жемчужины. Он бросился к Алеку, словно неделю его не видел. Папа всегда удостаивался восторженного приема, независимо от того, возвращался ли он из путешествия, из патруля или из соседней комнаты после пятиминутного отсутствия.

– Привет, папочка!

Алек опустился на одно колено и распахнул объятия.

– Привет, мой малыш!

Он прижал Макса к груди – теплый, мягкий комочек ленточек, пухлых ручек и захлебывающегося смеха. Когда Макс был совсем крошкой, Алек удивлялся, как ловко его тельце помещается на сгибе отцовского локтя. Трудно было представить, что Макс вырастет. Но оказалось, что беспокоиться было не о чем: ребенок рос, но держать его на руках было все так же удобно.

Алек потянул Макса за матросскую курточку.

– Сколько у тебя ленточек!

– Слишком много ленточек, – печально кивнул Макс.

– А со свитером что случилось?

– Отличный вопрос, Александр. Позволь, я расскажу тебе. Макс извальял свой свитер в кошачьем лотке, – поделился Магнус. – Чтобы выглядеть «как папочка». И теперь должен носить позорный матросский костюмчик. Не я устанавливаю правила. Хотя нет, погодите... – вообще-то я!

Он погрозил Максу пальцем, тот снова засмеялся и попытался схватить его, привлеченный блеском колец.

– Какое вдохновляющее зрелище! Надо же как у вас все ловко выходит, чокнутые вы ребята, – заметил из пентаграммы Элийас, демон с щупальцами. – А вот мне с отношениями не везет. Все кого я встречаю, оказываются бессердечными предателями. Хотя мы все-таки демоны, для нас это в порядке вещей.

Магнус утверждал, что чародей обязан уметь вызывать демонов. Чем скорее Макс к ним привыкнет, говорил он, тем меньше шансов, что он будет напуган или обманут, когда сам вызовет первого демона, – для этого и нужны

тренировки. Элийас был не так уж плох по демонским меркам, но в целом, конечно, ужасен. Когда Макс проходил мимо пентаграммы, одно серебристое щупальце жадно лизнуло границу – вдруг ученик сделает неверный шаг.

Алек заметил это и сурово прищурился, глядя на Элийаса.

– Только не думай, что я забыл, кто ты такой, – мрачно предупредил он демона. – Учти, я слежу за тобой, Элийас послушно подобрал щупальца и убрался к противоположной стороне пентаграммы.

– Просто рефлекс. Я ничего такого не имел в виду.

– Демины! – неодобрительно прокомментировал Макс.

Магнус изгнал тварь, щелкнув пальцами и что-то прошептав, а потом повернулся к Алеку.

– Значит, тебя зовут в Буэнос-Айрес.

– Ага. Понятия не имею, зачем кому-то там на Базаре понадобился я, а не любой другой Сумеречный охотник.

– Ну, это я понять могу, – рассмеялся Магнус.

– Я имею виду – помимо этого, – усмехнулся Алек. – Кроме того, я же не говорю по-испански.

По-испански говорил Магнус. Алек был бы очень рад, если бы тот поехал с ним, но один из них всегда старался остаться дома, с Максом. Как-то раз, когда он был еще совсем маленьким, им пришлось уехать обоим – в итоге вышла жуткая жуть, и повторения никто не хотел.

Алек честно пытался выучить испанский, как и несколько других языков. Руна Знания языков работала недолго, и вообще это было не совсем честно. Нижнемирские со всего света сейчас толпами приезжали в Нью-Йорк со своими вопросами и проблемами, и Алек хотел нормально с ними общаться. Первым в его списке стоял индонезийский – специально для Магнуса.

К сожалению, лингвистических способностей у него не было. Читать он мог, но стоило заговорить, и неважно на каком языке, как тут же начинались проблемы. Макс и тот уже нахватался больше слов, чем Алек.

– Это нормально, – заметил как-то Магнус. – В жизни не встречал Лайтвуда, способного к языкам. За исключением одного.

– И кто же это был? – полюбопытствовал Алек.

– Его звали Томас. Высокий, как дерево. Очень застенчивый.

– И совсем не зеленоглазое чудовище, как остальные Лайтвуды?

– Ну, кое-что от чудовища в нем определенно было, – сказал Магнус, пихнул его локтем в бок и рассмеялся.

Алек еще помнил те времена, когда Магнус ни за что не стало бы говорить о прошлом. Алек думал: наверное, он что-то делает не так... или вообще безразличен Магнусу. Теперь-то он понимал: дело в том, что Магнусу уже причиняли боль, и он не хотел, чтобы Алек ранил его снова.

– Я подумал, может, взять с собой Лили? Она говорит по-испански, и поездка ее развлечет, ей нравится Джем.

Никто ни на одном Базаре мира не стал бы возражать против Лили. Все уже слышали о союзе Нижнего мира и Сумеречных охотников и знали, что члены Альянса горой стоят друг за друга.

Брови Магнуса поползли вверх.

– Да, я в курсе, что Лили нравится Джеймс. Я слышал прозвища.

Макс, сияя, переводил взгляд с папы на бапу.

– Привезете мне братика или сестричку? – с надеждой спросил он.

Они уже говорили с Максом еще об одном ребенке – и друг с другом они тоже говорили. Ни один не ожидал, что Макс примет идею с таким восторгом: теперь он просил братика или сестричку всякий раз, как кто-то из них уходил из дома. В прошлый вторник стоило ему открыть рот, как Магнус в отчаянии заорал:

– Не за ребенком! Не за ребенком! Я просто иду в «Сефору»! В «Сефоре» детей не продают! – и вылетел за дверь.

В другой раз на прогулке в парке Макс угнал коляску с младенцем. К счастью, в тот момент он был скрыт гламором, и мама ребенка решила, что коляску катит по дорожке шальной порыв ветра, а не малолетний бандит Алека.

Конечно, было бы здорово, если бы у Макса появилась компания. И тем более здорово было бы завести еще одного ребенка с Магнусом. Алек помнил, как впервые взял Макса на руки, и в тот же миг вокруг наступила тишина и ясность – и в его сердце тоже. Алек скучал по этой уверенности.

Молчание родителей Макс истолковал как приглашение к дальнейшим переговорам.

– Привезите мне братика и сестричку, и еще динозавра! – выдвинул он идею.

Наверняка во всем виновата избаловавшая его тетя Изабель, приучившая его к тому, что если очень не хочется, то идти спать совсем не обязательно.

Их спас сигнал Джейса: в оконное стекло ударился волшебный бумажный самолетик. Алекс поцеловал Макса в макушку, стараясь не уколоться о рожки, спрятанные среди кудрей.

– Нет, милый. Я иду на задание.

– Я с тобой, – заявил Макс. – Я буду Сумеречный охотник.

Об этом он тоже постоянно твердил, и в этом Алек винил уже дядю Джейса. Поверх детской головы он умоляюще посмотрел на Магнуса.

– А ну-ка, иди к папе, василек, – скомандовал тот, и Макс, ничего не подозревая, устремился в распахнутые объятия.

– А ты ступай за Лили. Я открою для вас портал.

– Нет! – в ярости завизжал ребенок, но был схвачен и надежно зафиксирован.

В дверях Алек обернулся и бросил на них еще один, последний взгляд. Магнус поднял глаза, коснулся сердца усыпанной кольцами рукой и сделал едва заметный жест. Алек улыбнулся и раскрыл ладонь – в ней на мгновение вспыхнула голубая магическая искорка.

– Ненавижу папу, – надулся Макс.

– Как не стыдно, – укоризненно сказал Алек и добавил, помолчав. – Зато я люблю вас обоих.

И, внезапно смутившись, быстро захлопнул дверь.

Ему всегда было трудно произносить эти слова, но он все равно старался, особенно отправляясь на задание. На всякий случай... вдруг они окажутся последними в его жизни.

Джейс ждал его на тротуаре, прислонившись к чахлому дереву и перебрасывая кинжал из руки в руку. Как только Алек вышел из дверей, наверху раздался шум. Он поднял голову, надеясь увидеть Магнуса, но увидел круглое личико Макса – видимо, тот хотел посмотреть на своего изумительного дядюшку Джейса. Однако большие печальные синие глаза ребенка были устремлены на Алека. Макс прижал ладошку к груди и повторил жест Магнуса, как будто сам уже был способен творить магию.

Алек притворился, что поймал голубую искру и спрятал волшебный поцелуй в карман, потом помахал Максу, и они с Джейсом зашагали прочь по улице.

– И что это сейчас было? – поинтересовался Джейс.

– Он собирался со мной в патруль.

– Хороший мальчик! – выражение лица Джейса смягчилось. – Надо было взять его...

– Нет! – решительно возразил Алек. – Учти, никто не даст тебе завести собственного ребенка, пока не прекратишь запихивать чужих в оружейные сумки и тайно проносить их на работу.

– Между прочим, мне почти удалось, и все благодаря сверхъестественной скорости и несравненному хитроумию, – скромно заметил Джейс.

– Ничего подобного. Сумка шевелилась, и это было видно.

Джейс философски пожал плечами.

– Ну что, готов снова героически защищать город от зла? Или у нас в планах ленивый вечер? Пойдем задирать Саймона?

– Нет.

Алек передал послание от Джеймса и Тессы.

– Я еду с тобой, – тут же предложил Джейс.

– И бросишь на Клэри весь Институт? За неделю до выставки?

Мощь этого аргумента потрясла Джейса, по крайней мере, с виду.

– Не стоит подводить Клэри. Мы с Лили отлично справимся, – успокоил его Алек. – Уверен, Джеймс с Тессой и сами могли бы разобраться, но им не помешает компания.

– Ну, ладно, – неохотно согласился Джейс. – Наверное, три бойца сумеют меня заменить.

Алек дружески двинул его кулаком в плечо, и Джейс улыбнулся.

– Что ж, тогда вперед, в отель «Дюмор», – заключил он.

* * *

Снаружи фасад гостиницы был грязным, вывеска – темно-коричневой, цвета свернувшейся крови. Когда Лили Чен возглавила нью-йоркское сообщество вампиров, она переделала тут весь интерьер: рассевшиеся двойные двери теперь открывались в холл, сияющий огнями. На галерею второго этажа взлетала лестница с коваными сверкающими перилами, сплетенными из золоченых змей и роз. Лили нравился стиль 1920-х годов – по ее мнению, это было лучшее десятилетие двадцатого века. Но изменился не только декор отеля – теперь в моде были хипстеры, и Лили шагала в ногу со временем. Алеку эти радости были неведомы, но на местные вечеринки уже образовался длиннющий лист ожидания для тех, кто мечтал стать жертвой вампира.

Из-под лестницы торчала пара ног. Алек подошел, заглянул в темную нишу и обнаружил там мужчину в подтяжках поверх испачканной кровью рубашки, и с улыбкой на лице.

– Привет, – сказал Алек. – Просто хочу убедиться: вы здесь по своей воле?

Человек моргнул.

– Да. О, да. Я подписал бланк согласия.

– Тут и бланк согласия успели завести? – пробормотал Джейс.

– Я им говорил, что это не обязательно, – вполголоса ответил Алек.

– Моя бесподобная клыкастая подруга сказала, что нужно подписать, а иначе у Конклава могут возникнуть претензии. Вы из Конклава?

– Нет.

– Еще Хетти сказала, что если я не подпишу согласие, Конклав будет смотреть на нее очень недовольными голубыми глазами. Ваши вот голубые.

– И очень недовольные, – сурово подтвердил Алек.

– Ты что, пристаешь к Алеку? – спросила девушка-вампир, показавшись в двойных дверях, которые вели в салон. – А ну-ка завязывай с этим!

– О боже, – довольно промурлыкал окровавленный гость. – Леди гневается! Теперь моя душа обречена? Сейчас на меня обрушится твой бессмертный гнев?

Хетти оскалилась и нырнула под лестницу. Оттуда донеслось хихиканье.

Алек устало отвернулся и направился в гостиную, Джейс зашагал за ним. Разбираться с местными вампирами он обычно предоставлял Алеку. Если бы он, глава Института, вдруг сделал кому-то из них выговор, это сочли бы дипломатической угрозой. Они с Алеком уже не раз обсуждали, как сделать город действительно безопасным для всех жителей Нижнего мира – особенно теперь, когда из-за Холодного мира Нью-Йорк стал убежищем для всех.

Из гостиной доносилась музыка: не обычный джаз, который нравился Лили, а какой-то микс из рэпа и джаза с тяжелыми басами. Внутри обнаружились мягкие кресла, блестящий рояль и целое гнездо из вертушек и проводов. Бэт Веласкес, диджей-вервольф, возился с аппаратурой, сидя по-турецки на бархатном диване.

В других городах вампиры и оборотни не очень-то ладили, но в Нью-Йорке все было иначе.

Элиот, второй по званию в вампирском клане, танцевал в одиночестве, весело выписывая круги по комнате. Его длинные руки и дреды мотались из стороны в сторону, словно водоросли под водой.

– Лили на месте? – спросил Алек.

Элиот почему-то сразу испугался.

– Еще нет. Мы вчера довольно поздно закончили. Произошел один инцидент... Вернее, почти, катастрофа.

– И что же послужило причиной?

– Как обычно, я, – сознался Элиот. – Но на этот раз я реально не виноват! Просто несчастный случай, такое с кем угодно могло произойти. Короче, у меня тут по четвергам регулярные секс-свидания с одной селки.

Селки – это такие водяные фейри в облике тюленей. Чтобы превратиться в человека, они сбрасывают кожу. Очень редкий вид.

Алек окинул Элиота оценивающим взглядом.

– Ты хочешь сказать, такая катастрофа может случиться с кем угодно, к кому на секс регулярно заваливаются селки?

– Вот именно! – обрадовался вампир. – Ну, вернее, две селки. В общем, одна из них нашла чужую тюленью шкуру у меня в гардеробе. Была жуткая сцена. Ну, знаешь, как у селки бывает...

Алек, Джейс и Бэт дружно покачали головой.

– Всего-то одну стенку обрушили, а Лили как разорется...

Лили сделала Элиота вторым по званию, потому что они были друзья, а не потому что у Элиота имелись хоть какие-то способности к руководству. Все это внушало Алеку некоторые опасения за нью-йоркскую вампирскую диаспору.

– Чувак, ну ты даешь. Ну, скажи, зачем всем предлагать «тройничок»? – вздохнул Бэт. – Почему вы, вампиры, вечно так себя ведете?

– Потому что мы вечные, – пожал плечами Элиот. – Нам нравится соображать на троих. Живешь долго, упадок, декаданс, все дела. Мы вообще-то не все такие, – его лицо озарило приятное воспоминание. – Босса вот всегда очень раздражал декаданс. Но я, вообще-то, уже совершенно готов остепениться. Вот, скажем, мы с тобой и Майей...

– Моей abuela[14 - Бабушка (исп.)] ты не понравишься, – отрезал Бэт. – Abuela любит Майю. Та специально ради нее учит испанский.

Всякий раз, как Бэт заговаривал о Майе, его хриплый голос делался теплее и тише. Майя была его девушкой. И главой вервольфов. Алек его не винил – о вервольфах беспокоиться не приходилось, у Майи всегда все было под контролем.

– Кстати об испанском, – сказал он. – Я тут собираюсь в Буэнос-Айрес и хочу пригласить Лили с собой, раз уж она на нем говорит. Когда мы вернемся, она наверняка поостынет.

– Путешествие пошло бы ей на пользу, – уныло кивнул Элиот и как-то даже посерьезнел. – В последнее время она сама не своя. Все тоскует по боссу. Ну, то есть, мы все скучаем, но у нее все по-другому. С нами иногда такое бывает.

Он метнул быстрый взгляд на Алека и пояснил:

– Ну, с бессмертными. Мы привыкаем друг к другу за столько-то лет. Столетий. Годы идут, потом кто-нибудь возвращается, и раз – у вас все как прежде. Мир меняется, а мы остаемся теми же. Когда кто-то умирает, мы это долго переживаем. Ты думаешь: интересно, когда я его снова увижу? А потом вспоминаешь, что никогда... и каждый раз это потрясение. Приходится все время себе напоминать, пока сам не согласишься: нет, я его больше не увижу, никогда.

В его голосе было столько боли и печали... Алек кивнул. Он понимал, каково это будет, когда Магнусу придется думать так о нем, Алеке.

Больше никогда...

О, да, он знал, каким сильным нужно быть, чтобы выдержать одиночество бессмертия.

– К тому же Лили может понадобиться помощь клана.

– Ты бы сам очень ей помог, – оборвал его Алек, – если бы относился к своим обязанностям чуть более ответственно.

– Не, это без вариантов, – Элиот покачал головой. – Эй, мистер Глава Института, – он переключился на Джейса. – Вот ты – прирожденный лидер, сразу видно. Давай так: я тебя делаю вампиром, ты помогаешь править кланом и навсегда остаешься красавчиком, а? Как тебе такое?

– Это был бы настоящий подарок всем будущим поколениям, – серьезно кивнул Джейс. – Но нет.

– Элиот! – рявкнул Алек. – Прекращай предлагать людям бессмертие! Мы с тобой уже об этом говорили!

Элиот потупился – вроде бы смущенно, но при этом улыбаясь такой... особенной улыбочкой.

– Кажется, здесь кто-то строит моих людей? – донесся голос снаружи и сверху. – Алек, ты?

Самое неприятное с вампирским кланом то, что взывать к их разуму абсолютно бесполезно, – зато им почему-то страшно нравилось, когда их отчитывали. Рафаэль Сантьяго и правда оставил здесь свой след.

Алек выглянул в раскрытые двери: Лили стояла на галерее в мятой розовой пижаме со змеями и слоганом: «Восстань и бей». Выглядела она устало.

– Ага, – сказал он. – Привет. Джем попросил меня приехать в Буэнос-Айрес и выручить его в одном деле. Хочешь поехать со мной?

Лили просияла.

– Ты спрашиваешь, хочу ли я пуститься в путь с моим бро на помощь этой офигенной деве-в-беде, Джемму Каркарстерсу?

– Это значит, да?

– Черт, еще бы! – ее улыбка была такой широкой, что показались клыки.

И она ринулась прочь с галереи. Алек заметил, за какой дверью она исчезла, поднялся, подождал немного, опираясь на перила, потом постучал.

– Входи!

Входить он не стал, но дверь открыл. Комната была тесная, как монашеская келья. Пол и стены – голые, только распятие на гвозде. Это было единственное помещение в отеле «Дюмор», которого не коснулся дизайнерский раж Лили. Да, она снова спала в комнате Рафаэля.

И кожаная куртка на ней тоже была его. Лили взъерошила волосы с ярко-розовыми прядями, поцеловала крест на счастье и повернулась к двери. Вампиров-христиан крест сжигал, но Лили была буддисткой. Крест для нее не значил ровным счетом ничего – кроме того, что когда-то он принадлежал Рафаэлю.

– Ты... – Алек кашлянул. – Ты хочешь поговорить?

Лили пришлось поднять голову, чтобы смерить его взглядом.

– Что, о чувствах? А надо?

– Не хотелось бы, – ответил Алек. – Но можно.

– Вот еще! Лучше поехали скорее к нашему красавцу. Где этот придурок Элиот?

Она сбегала по лестнице в гостиную. Алек последовал за ней.

– Элиот, остаешься в клане за главного! – распорядилась Лили. – Бэт, я забираю твою девушку!

– Ну почему с вампирами всегда так? – он снова покачал головой.

– В административных целях, – усмехнулась Лили. – Майя будет управлять Альянсом Нижнего мира и Сумеречных охотников в наше отсутствие.

– Я не хочу опять отвечать за клан, – занял Элиот. – Джейс, стань вампиром! Веди нас в будущее! Умоляю!

– Помню, когда-то мне в этих стенах приходилось сражаться не на жизнь, а на смерть, пока кругом все рушилось... – задумался Джейс. – Теперь тут сплошные подушки, бархат и навязчивая торговля бессмертной красотой. Пожалуй, нет.

– Один крошечный укус, – искушал Элиот. – Тебе понравится!

– Никому не нравится, когда его кровь высасывают досуха, Элиот! – сурово перебил Алек.

Оба вампира в комнате сначала заулыбались, получив отповедь, потом опечалились – из-за смысла сказанного.

– Ты так думаешь только потому, что Саймон все сделал неправильно, – возразила Лили. – Я ему сто раз говорила, что он все испортил.

– Вообще-то Саймон все сделал отлично, – проворчал себе под нос Джейс.

– А мне не понравилось, – отрезал Алек. – И снова говорить я об этом не хочу. Пошли.

– Ах, да, – снова оживилась Лили. – Не терпится узнать, как поживает самый горячий Сумеречный охотник на свете.

– Спасибо, у меня все отлично, – отозвался Джейс.

– Речь вовсе не о тебе, Джейсон, – Лили топнула ножкой. – Слыхал когда-нибудь такое: «Высокий красивый брюнет»?

– Звучит как-то старомодно, – заметил Джейс. – Так, наверное говорили, когда я еще на свет не родился.

Он одарил Лили широкой улыбкой, она ответила тем же. Джейс задира не только тех, в кого влюблялся, но и всех, кто ему просто нравился, и за долгие годы до Саймона это так и не дошло.

– На свете полно горячих Охотников, – заметил Элиот. – Для этого они и нужны, разве нет?

– Нет, – сказал Алек. – Вообще-то мы сражаемся с демонами.

– А, – сказал Элиот. – Точно.

– Кстати, я вовсе не хвастаюсь, – безмятежно заявил Джейс. – Я просто говорю, что если кто-нибудь сделает наконец альбом с самыми сексуальными Охотниками, мои портреты будут на каждой странице.

– Размечтался, – фыркнула Лили. – Они все будут заполнены фотографиями Карстерсов.

– Ты про Эмму сейчас говоришь? – осведомился Алек.

– Про какую еще Эмму? – нахмурилась Лили.

– Про Эмму Карстерс, – охотно пришел на помощь Джейс. – Она подруга Клэри по переписке, живет в Лос-Анджелесе. Я иногда пишу постскриптумы к письмам Клэри и подкидываю Эмме всякие новые трюки с ножами. Она очень классная.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

Конечно (фр.)

2

Разумеется, сударыня (фр.)

3

Лазурный берег (фр.)

4

Прекрасная эпоха (фр.)

5

Арена Лютеции (фр.)

6

Синди Лопер (р. 1953) – американская певица, автор песен и активистка, знаменитая, в том числе, экстравагантным обликом и хитом 1983 года «Девушки просто хотят повеселиться».

7

Да, это ужасно (фр.)

8

Ну конечно (фр.)

9

Вкусы у всех разные (фр.)

10

Дорогуша (фр.)

11

Эпонина Тенардые – персонаж романа Виктора Гюго «Отверженные».

12

«Les Deux Magots» («Два китайских болванчика», фр.) – знаменитое историческое кафе в парижском квартале Сен-Жермен-де-Пре.

13

Отсылка к мюзиклу «Оклахома!» (1943), который считается первым мюзиклом в современном понимании. Его часто ставят в школьных театрах США.

14

Бабушка (исп.)

Купить: <https://tellnovel.com/kassandra-kler/prizraki-sumerechnogo-bazara-kniga-vtoraya>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)